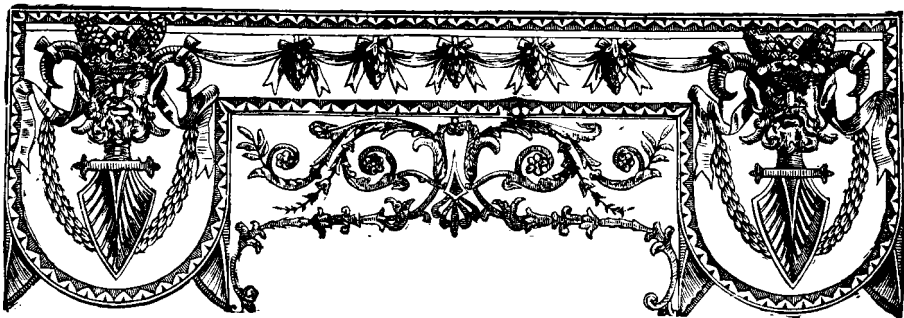

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ СЛОВО“.

(Изъ воспоминаній шестидесятника)

ВЪ КОТОРЫЕ мои знакомые, причастные къ литературѣ, бесѣдуя со мной о далекомъ прошломъ, неоднократно выражали желаніе, чтобъ я написалъ мои воспоминанія о Д. И. Писаревѣ, Г. Е. Благосвѣтловѣ и вообще о редакціи журнала «Русское Слово». Эти лестныя для меня пожеланія и побудили меня взяться за перо.

О работахъ Писарева было такъ много и разносторонне печатано, что вдаваться въ подробности въ этомъ отношеніи я считаю излишнимъ. Но постараюсь насколько могу: 1) освѣтить личность и характеръ этого выдающагося писателя нѣкоторыми подробностями, мало извѣстными, какъ мнѣ кажется, современнымъ его почитателямъ; 2) уяснить его отношенія къ редактору Благосвѣтлову и 3) очертить обстановку редакціи журнала, въ которомъ Писаревъ работалъ.

Благосвѣтлова я зналъ лично съ 1852 года. Около шестидесятаго года я довольно часто посѣщалъ редакцію «Русскаго Слова», какъ знакомый и бывший ученикъ Благосвѣтлова. Но я не былъ сотрудникомъ журнала, если не считать двухъ-трехъ моихъ юношескихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ этомъ изданіи.

I.

Чинные журфиксы Благосвѣтлова.—Его квартира въ домѣ графа Кушелева и квартира въ Эртелевомъ переулкѣ.—Первая книжка Катковского «Русскаго Вѣстника».—Посѣтители журфиксовъ: Д. И. Писаревъ, В. В. Крестовскій, Минаевъ, Мей, Полонскій, В. П. Поповъ.—Итальянское стихотвореніе изъ русскихъ словъ.—Либеральный цензоръ о Петрѣ Великомъ и патриархѣ Никонѣ.

Въ первое время существованія журнала «Русское Слово», т. е. въ концѣ пятидесятихъ годовъ, редакція его помѣщалась въ домѣ издателя, графа Кушелева-Безбородка, на Сергіевской улицѣ, недалеко отъ Гагаринской (нынѣ Французской) набережной.

Собственно, это была квартира Благосвѣтлова. Просторная, но не уютная, хотя по части стѣнъ, паркета и потолоковъ отдѣланная по-барски. Комнаты высокія; первая, обитая дорогими темными обоями, съ золотымъ багетомъ, наводила уныніе хронически стоявшимъ въ ней сумракомъ. Она служила почти исключительно только для перехода изъ передней въ гостиную и была всегда пустынная; развѣ днемъ какого-нибудь новичка-писателя заставляли тамъ ждать, когда редакторъ удосужится его принять. Иногда, по вечерамъ, завсегда и сотрудники редакціи удалялись туда вдвоемъ для обсужденія какого-либо вопроса, касающаго журнальныхъ работъ. Д. Д. Минаевъ прозвалъ ее «храмомъ уединенія вдвоемъ».

Вечеромъ тамъ скудно горѣла лампа. Слѣдующая же комната была просторна, свѣтла. Она служила гостиною и заломъ, и столовой; имѣла свѣтлыя стѣны съ золотыми багетами и разводами; кругомъ нея жидко разставлена прямоугольная, очень неудобная, модная въ то время мебель «Empire», типъ которой, говорятъ, выдумалъ самъ Наполеонъ I. Угольный диванъ и передъ нимъ столъ съ высокой лампой; продольный диванъ, предъ нимъ столъ съ таковой же лампой; стулья и кресла—тоже жесткіе прямоугольные «Empire».

Вообще, по части мебели жидко. Вечеромъ въ этомъ обширномъ покоѣ было свѣтло, но какъ-то скуповато-свѣтло и неуютно. Тутъ бесѣдовали болѣе или менѣе близкіе люди редакціи и сотрудники. За гостиною ютилась зеленостѣнная, хмураго настроенія, узкая и глубокая спальня, она же и кабинетъ Благосвѣтлова. Туда Писаревъ любилъ удаляться, чтобы побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь ему симпатичнымъ, или посовѣтоваться съ Благосвѣтловымъ о какой-нибудь статьѣ. Особенно любилъ Дмитрій Ивановичъ забираться туда въ редакціонные журфики. Въ этой, просто до спартанства обставленной спальнѣ господствовалъ тоже экономный сумракъ. Благосвѣтловъ былъ, какъ про него говорили (не только тогда, но и послѣ, когда онъ женился на состоятельной купчихѣ), весьма расчетливъ. Обстановка кабинета-спальни, впрочемъ, рас-

полагала къ размысленіямъ; можетъ быть, Писаревъ, не охотникъ до журфиксовскихъ разговоровъ, оттого и предпочиталъ ее. Незатѣйливый письменный столъ заваленъ рукописями и книгами, расположенными, однако, въ безукоризненномъ порядкѣ. На столѣ, среди рукописей, горѣли двѣ стеариновыя свѣчки въ золоченыхъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, тоже наполеоновскаго стиля. Скромно прятавшаяся въ глубинѣ комнаты постель, дѣвственно бѣлая, приводила на мысль стихъ изъ «Кавказскаго Плѣнника»: «Къ моей постели одинокой не крался въ тишинѣ ночной...» Григорій Евлампіевичъ не напоминалъ пушкинскую черкешенку, но онъ былъ строгимъ блюстителемъ внѣшняго декораума, опрятности, даже «умѣренности и аккуратности» въ окружающей его обстановкѣ, особенно въ назначенные дни.

Въ этой официальной редакціонной квартирѣ мнѣ съ сожалѣніемъ вспоминались маленькія комнатки въ Эртелевомъ переулкѣ, гдѣ ранѣе жилъ Благосвѣтловъ. Онѣ были заставлены не претенціозной, но удобной мебелью; тамъ было множество полоковъ и шкапиковъ съ книгами. Книги эти возбуждали въ моей головѣ и нервахъ аппетитъ, извѣстный охотникамъ до чтенія, къ которому въ значительной степени онъ же, т. е. Григорій Евлампіевичъ, меня и пріохотилъ. Онъ же удовлетворялъ мой юношевскій аппетитъ, одоляя книги, поясняя содержаніе ихъ, когда еще преподавалъ русскій языкъ и словесность у насъ въ училищѣ. Я, будучи въ старшемъ классѣ, заходилъ къ нему на часокъ (въ 1857 году). Тогда онъ, помнится, недавно еще вернулся изъ заграничной поѣздки.

Отъ него сильно въ то время пахло Западомъ и увѣренностью въ близости насажденія западной культуры въ Россіи.

Между прочимъ, мнѣ ярко доселѣ вспоминается его удовольствіе (впрочемъ, раздѣляемое тогда весьма многими либеральными солидными людьми и доходившее у нѣкоторыхъ до восторговъ), вызванное появленіемъ первой книги катковскаго «Русскаго Вѣстника». Военная зеленая молодежь, къ которой принадлежалъ и пишущій эти строки; устраивала тогда литературные вечера для ознакомленія съ этимъ новымъ литературнымъ явленіемъ, либеральнаго (sic) пошиба.

Нѣкоторые полагали въпослѣдствіи, что графъ Кушелевъ-Безбородко задумалъ издавать «Русское Слово» подъ впечатлѣніемъ первыхъ нумеровъ англоизированнаго «Русскаго Вѣстника» и поручилъ редактированіе своего дѣтища Благосвѣтлову, какъ офранцуженному западнику.

Значительная часть высшихъ классовъ общества оказывала вниманіе катковской проповѣди, усматривая близость всероссійскаго самоуправленія и, повидимому, желая его ¹⁾. Или, по край-

¹⁾ См. мою статью «Первый земскій съѣздъ», напечатанную въ «Историч. Вѣстн».

ней мѣръ, показывала видъ, что желала его. Во-первыхъ, потому, что, какъ говорили, молодой монархъ расположенъ къ такой реформѣ и, слѣдовательно, выгодно высказывать ей сочувствіе. А, во-вторыхъ, уповали, что высшему сословію будетъ предоставлено главенство въ самоуправленіи и, слѣдовательно (этого громко, разумѣется, не высказывали), такое главенство придастъ безповоротно въ принципѣ рѣшенной царемъ колоссальной реформѣ—уничтоженію крѣпостничества—менѣе разорительный для дворянства характеръ.

Большинство же молодежи, военной и штатской, какъ и учено-литературный слой общества, къ которому принадлежалъ и Благосвѣтловъ, интересовались катковскимъ изданіемъ безъ всякой задней мысли. Благосвѣтловъ, читая мнѣ на эртелевской квартирѣ строки изъ «Русскаго Вѣстника» (въ которомъ дебютировалъ Щедринъ своими «Губернскими очерками»), говорилъ: «Этотъ новый журналъ будетъ очень полезнымъ союзникомъ русскаго прогресса... Когда его читаешь, кажется, что и напечатанъ-то онъ не по-русски, а по-англійски...»

Шрифтъ «Русскаго Вѣстника», дѣйствительно, какъ будто претендовалъ на сходство со шрифтомъ англійскимъ. Но содержаніе... черезъ немного лѣтъ стало вызывать у прежнихъ хвалителей его чуть не взрывъ негодованія, впрочемъ, столь же преувеличенный, какъ и прежніе сладостные восторги.

Sic transit gloria mundi.

Кстати о благосвѣтловской квартирѣ: бытовой анекдотецъ. Въ первый же разъ, что я посѣтилъ Григорія Евлампіевича въ его «графскихъ палатахъ» (какъ нѣкоторые называли помѣщеніе редакціи въ домѣ графа Кушелева-Безбородка), онъ, т. е. Благосвѣтловъ, смѣясь, сказалъ мнѣ:

— Вотъ здѣсь я, наконецъ, могу работать. Слава Богу, вашей музыкантши у меня по сосѣдству не имѣется.

И я ему сочувствовалъ, хотя и сосѣдкѣ тоже. Оба они другъ друга, можно сказать, терзали и были готовы утопить въ каплѣ воды. Моя знакомая М. А. Загоскина, вдова артиллерійскаго полковника, жила въ Эртелевомъ переулкѣ этажомъ ниже Благосвѣтлова. Каждый разъ, когда я къ ней приходилъ, она жаловалась: «Что за наказанье! Попросите вы вашего семинариста (такъ она называла Благосвѣтлова), чтобы онъ хоть туфли носилъ такія, что не шлепаютъ. Только я сяду за рояль, онъ и пойдетъ шлеп-шлепъ туфлями».

Когда же я бывалъ у Григорія Евлампіевича, то онъ плаксиво жаловался: «Какъ только я сяду работать, такъ ваша музыкантша и загремитъ на фортепьяно. Точно нарочно! Рѣшительно ничего въ головѣ не вяжется...»

Примирить ихъ мнѣ не удавалось. И я за обоихъ былъ доволенъ, когда мой бывший учитель переселился на квартиру дома Кушелева, гдѣ царилъ тишина, хотя въ ней мнѣ (да и не мнѣ одному) бывало часто холодно и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ слова

Вечерними завсегдатаями редакціонныхъ журфиксовъ были, конечно, кромѣ самого хозяина, какъ бы предѣлительствовавшего на разъ навсегда опредѣленномъ углу квадратнаго наполеоновскаго дивана «Empire», Д. И. Писаревъ и квартирный хозяинъ Писарева В. П. Поповъ, затѣмъ поэты: Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій, Д. Д. Минаевъ, Я. П. Полонскій, Л. А. Мей; цензоръ Елагинъ и проч.

Всеволодъ Крестовскій представлялъ тогда по облику, образу мыслей и даже юношеской симпатичности нѣчто пріятное, несомнѣстимое съ «позднѣйшимъ» Крестовскимъ, когда онъ писалъ «Панургово стадо», надѣлъ уланскій мундиръ и сталъ редактировать варшавскую газету.

Крестовскій былъ товарищемъ по университету и, можно сказать, другомъ Писарева. Писалъ онъ не глубокомысленные, но красивые стихи подъ вкуснымъ либеральнымъ соусомъ. Напримѣръ: «Христовы братья», «Весенняя смерть», «Испанскіе мотивы»— были тогда очень популярны и симпатичны для многихъ читателей. Въ нихъ чуялся поэтъ. Стихи его выливались изъ души. Однако, ластясь къ духу времени, онъ подпускалъ въ нихъ краски модныхъ мотивовъ, которые нѣкоторыми писателями считались тогда не только модными, но и выгодными. Установясь на такой платформѣ, можно было нравиться и правымъ (потому что послѣдніе остерегались не быть либеральными), и, само собой разумѣется, лѣвымъ. Особенно популяренъ былъ одинъ изъ испанскихъ мотивовъ Крестовскаго «Санъ-Яго». Мы будемъ ниже имѣть случай коснуться содержанія этого стихотворенія.

Можетъ быть, изъ Крестовскаго и вышелъ бы болѣе или менѣе интересный, видный писатель, если бъ онъ болѣе оставался, такъ сказать, подъ указкой Писарева, который дружески руководилъ имъ и пристроилъ его, почти одновременно съ самимъ собой, къ «Русскому Слову». Но Крестовскому въ концѣ пятидесятихъ годовъ было не до нравственнаго самосовершенствованія, не до воздѣлыванія своего дарованія, онъ оплакивалъ Христову братію, самъ же жаждалъ милостей Мамоны: денегъ и денегъ! Онъ былъ влюбленъ въ актрису, свою потомъ жену. Она играла на кронштадтской сценѣ. Хотя она и сама его любила и ничего отъ него не требовала, но онъ не могъ не тратить на нее денегъ, тѣмъ болѣе, что очень любилъ рисоваться; онъ не довольствовался скромной, но

вполнѣ приличной и достаточной матеріальной поддержкой своей бабушки, горячо любившей его, у которой онъ и жилъ, какъ у Христа за пазухой въ Петербургѣ, около Владимирской. Не довольствовался онъ и весьма удовлетворительнымъ литературнымъ заработкомъ. Ради денегъ онъ писалъ легкомысленныя рецензіи о разныхъ мало интересныхъ книгахъ и легкомысленныя, плохо продуманныя новеллы и рассказы. Благодаря Писареву, страдавшему поэту въ первое время, Благосвѣтловъ печаталъ его статейки, тѣмъ болѣе, что онѣ проходили часто черезъ дружескія руки Дмитрія Ивановича. Послѣдній сглаживалъ нерѣдко «несуразности» пріятеля, нерѣдко распекалъ его за небрежность и пустословіе. Впрочемъ, скоро это нянченіе надоѣло Писареву, да и времени стало у него не хватать, такъ что онъ отступился отъ товарища, откровенно сказавъ ему: «Ты, братецъ, могъ бы, пожалуй, быть червонцемъ, а размѣнялся на мѣдные пятаки».

Писареву, да и всему молодому кружку, Крестовскій претилъ своей рисовкой, желаніемъ возбуждать симпатіи къ своей маленькой особѣ, которая безъ этихъ попытокъ могла бы быть дѣйствительно интересной и симпатичной. Онъ былъ недурень собой; худощавъ, небольшого роста, брюнетикъ съ тонкими чертами лица и съ красивыми глазами, которые могли бы располагать къ ихъ обладателю, если бы онъ не пытался придавать имъ страдальческую томность. Говорилъ онъ намѣренно-слабымъ голосомъ, поминутно сухо покашливая и при удобномъ случаѣ объясняя, что это у него «нервный кашель». Сигары курилъ постоянно, втыкая ихъ на кончикъ перочиннаго ножа: это тоже было своего рода интересничанье. На рукѣ у самой кисти онъ носилъ гладкій золотой браслетъ—«вещественное доказательство невещественныхъ отношеній». Когда могъ, Всеволодъ Владимировичъ всякому подходящему человѣку съ таинственнымъ трагизмомъ намекалъ о своей любви къ дѣвушкѣ, которая обручилась «этимъ браслетомъ», о препятствіяхъ къ окончательному съ ней сближенію и т. п. Въ кутежной же компаніи (впрочемъ, онъ заправскимъ кутилой тогда, по крайней мѣрѣ, не былъ) онъ пріятно упрощался, забывалъ иногда рисоваться, становился тѣмъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ могъ бы быть, т. е. добрымъ, довольно даровитымъ малымъ. Въ такія минуты я понималъ, почему Писаревъ нянчился съ нимъ и тратилъ время на обсужденіе его статей.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, Крестовскій составилъ себѣ литературное имя, имѣлъ очень обильный заработокъ, но уже не стѣснялся направленіемъ и выборомъ идей для своихъ писаній. Въ новыхъ произведеніяхъ оставалось мало такого, что обѣщало многое въ юношескихъ годахъ. Въ литературныхъ кружкахъ, гдѣ онъ вращался восемь или десять лѣтъ ранѣе, стали относиться къ нему холодно.

Ходили разные неблагопріятные для него слухи по части сплетенъ, которымъ добрые люди обыкновенно вѣрятъ охотнѣе, чѣмъ правдѣ. Доходило до того, что его обвиняли въ очень знаменательномъ плагіаторствѣ. Я лично этому обвиненію не вѣрю. Его недоброжелатели утверждали, напримѣръ, будто бы знаменитыя «Петербургскія Трущобы» были написаны не имъ, Крестовскимъ, а Помяловскимъ. Версія ходила такая: Крестовскій послѣ кончины Помяловскаго имѣлъ случай разбирать бумаги и рукописи покойнаго; онъ будто бы нашелъ въ нихъ значительно обработанный и обильный матеріалъ, касающійся быта и нравовъ подонковъ петербургскаго населенія, будто бы присвоилъ себѣ работу и создалъ изъ нея обратившій на себя въ свое время вниманіе романъ «Петербургскія Трущобы», который прочно закрѣпилъ его литературную извѣстность и доставилъ ему изрядный денежный кушъ.

Подобные рассказы были не настолько обоснованы фактами, чтобы имъ вѣрить. Хотя нѣкоторыя мелкія стихотворенія, невинные плагіаты въ его произведеніяхъ и оказывались, но эти грѣшки не заходили далѣе невинныхъ плагіатовъ и у Пушкина. Разница, впрочемъ, заключалась въ томъ, что Пушкинъ ихъ не пытался скрывать, а Крестовскій обратно.

Только однажды Помяловскій уличилъ его, впрочемъ, въ не печатномъ и ничтожномъ плагіатѣ. Какъ-то мы ужинали въ ресторанѣ Еремѣева, который тогда помѣщался на Невскомъ, противъ Аничкова дворца (гдѣ позднѣе была гостиница «Вель-Вю»). Туда любили ходить литераторы. Подали намъ поросенка со сметаной «во всей его неприкосновенности». Крестовскій по этому случаю, обращаясь къ поросенку, произнесъ такой экспромтъ:

Прекрасно сдѣлалъ, милый мой,
Что въ ранней юности скончался,
Не то ты сдѣлался бъ свиньей
И той же участи дождался.

Всѣ захохотали и забыли экспромтъ чрезъ какія-нибудь десять минутъ. Помяловскій, находившійся въ томъ градусѣ опьянѣнія, когда онъ неприличными словами заставлялъ «святыхъ вонъ выносить», вдругъ осыпалъ Крестовскаго нелестными эпитетами. На брань Помяловскаго никто изъ знавшихъ его не обижался. Но Крестовскій заершился, потребовалъ разъясненій, удовлетворенія. А его обидчикъ съ пьянымъ добродушнымъ смѣхомъ объяснилъ:

— Ты, братъ, Крестовскій, самъ свинья! Это четверостишіе Тютчевъ поросенку сказалъ, а не ты.

И Помяловскій назвалъ какого-то петербургскаго помѣщика, у котораго, какъ ему было извѣстно, въ гостяхъ Тютчевъ и обмолвился такимъ экспромтомъ.

Тогда Всеволодъ Владимировичъ воскликнулъ:

— Ахъ, я телятина!

И тутъ же привелъ примѣры изумительныхъ совпаденій въ музыкѣ—мотивовъ, а въ поэзіи стиховъ... «У поэта и у музыканта въ головѣ набито столько и своего, и чужого, что иной разъ—особенно къ концу ужина—и не разберешь, что свое, что чужое». Словомъ, все обратилось въ шутку.

Появлялся иногда на редакторскіе журфиксы гость особаго сорта: цензоръ журнала Елагинъ ¹⁾. Писаревъ, который въ описываемое годы вообще краснорѣчиво молчалъ, въ такихъ случаяхъ ступевывался въ хозяйскій кабинетъ и просматривалъ тамъ рукописи и новыя книги. Только иногда по нуждѣ вступалъ онъ въ дѣловое объясненіе съ цензоромъ по поводу какой-либо статьи. Впрочемъ, цензоръ, о которомъ я говорю, рѣдко давалъ поводъ къ препирательству. Благосвѣтловъ же и нѣкоторые сотрудники относились къ цензору не безъ приподнятой вѣжливости. А самъ Елагинъ старался держать себя развязно, по-товарищески и любилъ вести бесѣду либеральнаго пошиба, иногда даже явно утрируя.

Въ то время, когда только что назрѣвали реформы, времена были таковы, что и цензора не знали, на какой ногѣ имъ удобнѣе приплясывать.

Благосвѣтловъ, услышавъ шаги или голосъ цензора въ предшествующей комнатѣ «уединенія вдвоемъ», вставалъ съ дивана, какъ бы только для того, чтобы ноги промять, и, словно нечаянно, встрѣчалъ гостя на порогѣ зала. Затѣмъ онъ усаживалъ его на свое, нѣкоторымъ образомъ предсѣдательское, мѣсто на диванѣ. Гость садился, предварительно, однако, пожавъ руки всѣхъ ему знакомыхъ присутствующихъ и «представясь» еще незнакомымъ. При этомъ онъ всѣмъ дружески улыбался. Впрочемъ, по части представлений Благосвѣтловъ нерѣдко, какъ бы мимоходомъ, поспѣшно церемоніймейстерствовалъ самъ, естественно желая, чтобы цензура поменьше воевала съ сотрудниками.

Очерчу одно такое цензорское посѣщеніе, довольно отчетливо оставшееся доселѣ у меня въ памяти.

Цензоръ едва еще прикоснулся къ курильному уголку наполеоновскаго дивана, словно что-то пріятное вспомнивъ, расцвѣлъ милѣйшей улыбкой.

¹⁾ По моему внутреннему убѣжденію то былъ Елагинъ, одинъ изъ цензоровъ, извѣстныхъ тѣмъ, что ихъ подпись появлялась обязательно на всѣхъ транспарантахъ для писъма: «печатать дозволяется», хотя, кромѣ параллельныхъ линій, ничего на нихъ не печаталось. Если же по давности и невозможности справиться я впалъ невольно въ ошибку, прошу читателей извинить.

— Григорій Евлампіевичъ, скажите, пожалуйста, что за прелестное стихотвореніе вы мнѣ прислали ¹⁾. Кто его написалъ? Скажите ради Бога. Восхитительно!

— Вотъ авторъ! возлѣ васъ,—тоже пріятно улыбаясь, отвѣчалъ редакторъ, указывая на Крестовскаго, который, томно ежась, искренне счастливо посмѣивался сквозь свой сухой кашель: онъ сидѣлъ на другомъ концѣ дивана.

— Дайте же васъ обнять, Всеволодъ Владимировичъ, дайте расцѣловать. Вѣдь вы такую радость мнѣ доставили,—и цензоръ потянулся обѣими распростертыми руками къ сосѣду.

Засіявшій Крестовскій тоже потянулся въ сторону своего поклонника: оба встали и, рискуя свалить высокую лампу, стоявшую на столѣ, слились во взаимныхъ объятіяхъ. Благосвѣтлову, какъ редактору, и многимъ изъ присутствовавшихъ это умильное зрѣлище доставляло удовольствіе; оно являлось какъ были закрѣпленіемъ союза цензора съ редакторомъ. Между прочимъ, незадолго предъ тѣмъ Елагинымъ было пропущено одно изъ испанскихъ стихотвореній Крестовскаго, которое никто изъ редакціоннаго кружка не надѣялся видѣть въ печати.

Стихотвореніе «Санъ-Яго», про которое редакція полагала, что цензура его пропуститъ, начиналась такъ: «Умеръ нашъ патронъ Санъ-Яго ²⁾, и предсталъ патронъ предъ Бога». Далѣе Богъ предлагаетъ Яго просить у него всего, что угодно, ибо «угодилъ онъ много-много». Яго не проситъ ничего для себя; но всего для «Испаніи родной»: благорастворенія воздухонъ, изобилія плодовъ земныхъ, побѣдъ надъ врагами и проч. и проч. На всѣ его просьбы Всемогущій благосклонно отвѣчалъ: «будетъ, будетъ!» (т. е. будетъ даровано). Въ заключеніе угодникъ проситъ ниспослать родинѣ мудрыхъ правителей и благодѣтельные законы. Но на это Всемогущій съ негодованіемъ восклицаетъ: «Какъ! Вдобавокъ и правленье? Невозможно, невозможно!»

Всѣмъ слушавшимъ сіе произведеніе въ рукописи оно нравилось: и красиво, и современно, и политика, и либерализмъ налицо.

— Хорошо, отлично,—немножко судейскимъ тономъ произнесъ какъ бы за всѣхъ слушавшихъ свой приговоръ Д. Д. Минаевъ. А какъ вотъ насчетъ цензуры?... Впрочемъ, это вы вѣдь про Испанію тутъ пишете... Коли на цензора не найдетъ стихъ Загорѣцкаго: «Кто что ни говори, хоть и животныя, а все-таки цари», такъ, пожалуй, выгорятъ и ваши стихи.

И дѣйствительно, выгорѣло; одобренный цензурой «Санъ-Яго» явился пріятнымъ ободрительнымъ цензурнымъ прецедентомъ.

¹⁾ Не помню, по какому-то случаю на корректурѣ, отправленной въ цензуру, не мене имени автора,

²⁾ «Санъ-Яго» испанцы считаютъ покровителемъ своей страны.

А тутъ вскорѣ и самъ цензоръ въ гости къ Благосвѣтлову пожаловалъ и самого автора «Санъ-Яго» облобызалъ съ чувствомъ. Правда, гость о «Санъ-Яго» не упомянулъ при этомъ. Можетъ быть, не желалъ черезчуръ поощрять... Однако, усѣвшись на диванѣ и распространивъ по обширной холодноватой комнатѣ атмосферу дружески-благодушнаго сліянія дотолѣ враждебныхъ общественныхъ элементовъ, Елагинъ старался оживить бесѣду. Говорилъ онъ о свѣжихъ общественныхъ вопросахъ очень смѣло. Внимательно слушалъ, что ему говорили, и заманчиво, съ тонкимъ оттѣнкомъ либеральной хвастливости рассказывалъ о нѣкоторыхъ «сомнительныхъ» статьяхъ, храбро пропущенныхъ имъ.

Зашла, между прочимъ, рѣчь по поводу какой-то новенькой статьи о патріархѣ Никонѣ и о Петрѣ Великомъ. Цензоръ дѣлалъ интересные комментаріи; всѣ стали прислушиваться. Рассказывалъ же онъ, главнымъ образомъ, о своемъ собственномъ путешествіи въ Новый Іерусалимъ ¹⁾. Ему особенно хотѣлось видѣть останки Никона, которые, какъ ему «было достовѣрно извѣстно», не были еще преданы землѣ, а хранились въ особомъ склепѣ. Монахи ихъ за деньги показывали «надежнымъ и щедрымъ» посѣтителямъ (Елагину съ пріятелемъ пришлось, по его словамъ, заплатить, помнится, пятьдесятъ рублей). Трупъ,—рассказывалъ Елагинъ,—послѣ смерти патріарха, очевидно, былъ совершенно подготовленъ для сохраненія его на довольно долгое время, ибо духовенство того времени, когда Никонъ скончался, полагало, что наступитъ удобная минута, когда выгодно будетъ сопричислить покойнаго къ лику святыхъ. Рассказчикъ излагалъ историческія препятствія къ осуществленію такой надежды. Тѣло сохранилось и доселѣ превосходно. Внѣшность трупа вообще поразила рассказчика. Никонъ былъ атлетическаго сложенія, очень большого роста, широкія плечи и грудь. Все это какъ-то невольно заставляло вспомнить о наружности Петра Великаго.

— Да и самое лицо Никона тоже, насколько можно было разсмотрѣть, напоминало Петра,—добавилъ, скромно понижая голосъ, Елагинъ.

Все это онъ рассказывалъ, пересыпая прозрачными намеками либеральнаго характера и восклицаніями по поводу болѣе или менѣе стѣснительной «офіціальной исторіографіи», господствовавшей въ Россіи до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Тутъ же цензоръ похвалилъ современныхъ историческихъ изслѣдователей новаго царствованія.

Цензору рѣдко кто возражалъ, хотя иные для вѣжливости вставляли словечко. Благосвѣтловъ иногда даже ѣдкое словечко ронялъ, но всегда такое, что оно словно краснымъ карандашомъ подчеркивало какой-нибудь нарочито смѣлый, нецензурный намекъ

¹⁾ Тамъ погребенъ патріархъ Никонъ.

самого цензора. И это, повидимому, правилось гостю, прищпоривало его свободорѣчіе, заставляло вести бесѣду вкрадчиво, но либерально, какъ бы заискивая у представителей новѣйшей русской мысли: «вѣдь кто ихъ знаетъ, можетъ статься, что это направленіе и въ нынѣшнемъ правительствѣ верхъ возьметъ».

Д. Д. Минаевъ аккуратно посѣщалъ редакцію не только въ журфиксы, но и въ другое подходящее время дня. Благосвѣтловъ пригласилъ его писать фельетоны. Однако этому приглашенію предшествовало взаимное другъ друга ощупываніе. Всѣмъ почти въ редакціи было извѣстно, что Минаеву хотѣлось получить такую работу; она была выгодна и заработокъ обеспеченный. Это съ матеріальной стороны хорошо. А главное, самое свойство его дарованія влекло къ фельетону. Вмѣстѣ съ тѣмъ кружку редакціонныхъ знакомыхъ было извѣстно также, что Григорій Евлампіевичъ колебался. Онъ признавалъ дарованіе и остроуміе Минаева, благосклонно относился къ основнымъ свойствамъ его либерализма, но считалъ Д. Д. въ этомъ послѣднемъ отношеніи не вполне выдержаннымъ, даже опасно легкомысленнымъ; называлъ минаевское свободолубіе «трактирно-офицерскимъ краснословіемъ». Дѣйствительно, Минаевъ въ качествѣ «палкинского» и отчасти «еремѣевского» завсегдатая охотно потѣшалъ своими блестящими и остроумными экспромтами, не всегда считаясь съ политико-общественными теченіями минуты, собиравшихся въ трактирѣ поручиковъ и капитановъ разнаго рода оружія и разнообразнѣйшихъ политическихъ воззрѣній, начиная съ николаевско-фельдфебельскихъ до герцено-прудоновскихъ включительно. Но Минаевъ, въ сущности, былъ честный человѣкъ и искренне-либеральный писатель. Но только когда его окружала атмосфера табачнаго дыма и пива у Палкина, и къ тому же было выпито, тогда онъ впадалъ въ калейдоскопическое остроуміе единственно по русской пословицѣ «для краснаго словца не пожалѣю и отца». Взаимное опознованіе иногда выражалось такъ. Въ первое время изданія «Русскаго Слова» забота о снабженіи журнала хорошимъ фельетонистомъ весьма озабочивала Благосвѣтлова.

Иногда эта забота обнаруживалась размышленіями вслухъ при близкихъ сотрудникахъ, особенно когда Д. Д. Минаевъ былъ налицо. Случалось, что Григорій Евлампіевичъ впадалъ въ похвалы Герцену, доходившія до восторговъ: «Вотъ дарованіе-то! вотъ сила, которая и фельетонной формой можетъ съ мѣста сдвинуть вонючія баррикады, наваленныя эгоизмомъ сильныхъ на пути къ прогрессу. Въ фельетонѣ Герценъ былъ бы даже полезенъ, чѣмъ въ публицистикѣ!»

Такъ восклицалъ Благосвѣтловъ.

— Да какъ самого-то Герцена вдвинешь въ фельетонъ журнала, который еще вдобавокъ издается на берегахъ царственной Невы?—замѣчалъ, тоже какъ бы про себя, Минаевъ.

А Благосвѣтловъ искося, но пристально поглядѣвъ на Минаева, опять погружался въ задумчивость. Если кто-нибудь невзначай заводилъ рѣчь о Гейне, то Григорій Евлампіевичъ, вообще часто поминавшій этого поэта, особенно послѣ напечатанія въ своемъ журналѣ писаревского перевода «Атта Троль», пользовался непременно случаемъ, ярко и не безъ остроумія обрисовывалъ свойства фельетониста въ Гейне. Въ результатѣ выходило, что Гейне единственный, и нѣсть фельетониста, кромѣ Гейне. По словамъ Григорія Евлампіевича, авторъ «Боговъ въ изгнаніи» даже болѣе Герцена подходилъ къ нашимъ временамъ. Однако оказывалось опять, что Гейне, если бы онъ былъ живъ, какъ Искандера, невозможно было бы нарядить въ мундиръ фельетониста, хотя бы и либеральнаго, но все-таки петербургскаго журнала. И Минаевъ опять давалъ вполголоса реплику какую-нибудь: «ни за сто рублевъ, ни за золотыя коврижки» т. п. И опять редакторъ свѣшивалъ носъ на квинту. При всѣхъ этихъ громко высказанныхъ сомнѣніяхъ Благосвѣтловъ, однако, не упускалъ изъ ума Минаева. Онъ даже помаленьку воспитывалъ послѣдняго для «Русскаго Слова» при помощи другихъ, пустившихъ корни соотрудниковъ.

Почему Минаевъ не дѣлалъ перваго шага къ сближенію, мы увидимъ ниже, когда познакомимся ближе съ Благосвѣтовымъ.

Во всякомъ случаѣ, all is well what ends well: дѣло разрѣшилось благополучно. Минаевъ, подъ псевдонимомъ «Темнаго человѣка», сталъ писать свои фельетоны. Союзъ осуществился, благодаря фельетонно-водевильной шуткѣ. Зашелъ въ редакціи бурный споръ: нѣсколько отуманенныхъ пуншемъ головъ восторгались Гарибальди, его освободительной дѣятельностью въ Италіи. Спорящимъ пришли на память послѣднія статьи русскихъ славянофиловъ (руссопетовъ, какъ называлъ ихъ Григорій Евлампіевичъ). Минаевъ выпалилъ экспромтомъ (повидимому, по крайней мѣрѣ) итальянское стихотвореніе, будто бы, по мнѣнію славянофиловъ, сплошь состоящее изъ славянскихъ словъ, а затѣмъ и соответствующее русское, какъ бы доказывающее близость сродства итальянскаго языка съ нашимъ. Благосвѣтловъ, находившійся тоже въ нѣсколько пуншевомъ настроеніи, пришелъ въ телячій восторгъ и тутъ же возвелъ Минаева въ званіе «шута» редактируемаго имъ «Русскаго Слова»...

Не лишне привести нынче давно забытые, но когда-то украшавшіе страницы «Русскаго Слова» эти экспромты Минаева: и русскій и итальянскій. По звукамъ они близко родственны, но по смыслу русскій понятенъ, а итальянскій представляетъ только наборъ словъ, который могъ бы ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто не знаетъ языка Петрарки и любви.

Вотъ итальянскій:

O son amore, divo son
Adesso, mai, costa.
J a piu e col mi pace on.
Ne sto a trista tosta
I piange, piange, piange on.
..... ¹⁾
O son amore divo son
I vero on nes prosta ²⁾.

Русскій же таковъ:

O! сонъ на морѣ, дивный сонъ
Одесса, май и Коста ³⁾
Я пью и кольми паче онъ
Не сто, а триста тоста
И пьянъ же, пьянъ же, пьянъ же онъ.
.....
O сонъ на морѣ, дивный сонъ
И вѣрно онъ не спроста.

Посѣщаль журфиксы, хотя и не часто, поэтъ Мей. Онъ оказывался вообще пріятнымъ собесѣдникомъ, когда бывалъ трезвъ, или только подвыпивши. Когда же приходилъ уже перепивши, то всѣ гости, одинъ за другимъ, брались за шапки и спѣшили наутекъ, ибо всякая бесѣда, всякій разговоръ становились въ такомъ случаѣ невозможны. Мей ко всѣмъ придирался, бранился, затѣвалъ ссоры, забирался куда-нибудь въ уголъ и неистовствовалъ. Наиболѣе близкіе ему знакомые нянчились съ нимъ, стараясь успокоить, увезти домой.

Благосвѣтловъ раздраженно бѣгалъ по комнатамъ и выражалъ жалостливыя опасенія, что ночью ему не удастся заснуть, а утромъ онъ не будетъ способенъ толкомъ работать.

Замѣтимъ, что вино и карты на такихъ официальныхъ недѣльныхъ вечерахъ не играли никакой роли. Были, однако, въ редакціи иные, не официальные вечера, на которыхъ и то и другое появлялось въ изобиліи. Объ этихъ вечерахъ мы ниже скажемъ съ грустью нѣсколько словъ и объяснимъ, почему именно съ грустью.

Другой поэтъ, появлявшійся на благосвѣтловскихъ журфиксахъ, Я. П. Полонскій, производилъ иное впечатлѣніе; онъ вызывалъ теплое къ себѣ сочувствіе, почти состраданіе, потому что находился

¹⁾ Я запоминать эту строку и по-итальянски и по-русски.

²⁾ Надо имѣть въ виду, читая это, что итальянскія слова (за нѣкоторыми определенными исключеніями, въ данномъ экспромтѣ не встрѣчающіяся) имѣютъ тоническое удареніе на первомъ слогѣ.

³⁾ Коста—извѣстный тогда рестораторъ въ Одессѣ.

тогда подъ ударомъ тяжкаго семейнаго горя: незадолго предъ тѣмъ онъ потерялъ молодую любимую жену. Познакомился онъ съ нею въ Парижѣ (она была дочь дьячка или дьякона русской церкви; фамилію я запомнилъ), полюбилъ ее всей мощью здороваго поэтическаго организма, взаимно былъ любимъ и былъ счастливъ съ нею. Но внезапно, когда еще далеко не успѣлъ начать охлаждаться пылъ глубокой страсти, Полонскій потерялъ свою подругу. Правда, черезъ весьма немного лѣтъ онъ утѣшился и, кажется, вполне. Это вообще, а для поэтической натуры особенно свойственно. Но когда я его встрѣчалъ, въ самомъ концѣ пятидесятихъ годовъ, его скорбь была глубока и даже для постороннихъ мучительна. Тѣмъ болѣе, что онъ, какъ умный человѣкъ, умѣвшій владѣть собой, не только не рисовался горемъ, но старался избѣгать даже намековъ на него, чтобы не опечалить собесѣдниковъ скорбною нотой. Такое усиліе почти всегда служитъ признакомъ глубины чувства. Только однажды, когда въ редакціи было всего пять-шесть человѣкъ, завѣдомо ему симпатичныхъ и симпатизирующихъ, Полонскій по нашей просьбѣ прочелъ—и какъ прочелъ!—свое стихотвореніе, выражавшее его настроеніе во время похоронъ любимой женщины... И зарыдалъ...

Я чуть было не забылъ упомянуть о «непремѣнномъ членѣ» не только официальныхъ, назначенныхъ вечеровъ, но и интимныхъ «полунощницъ», или «хвостиковъ», какъ называлъ Минаевъ картежно-винныя quasi оргіи, иногда происходившія въ квартирѣ редакціи послѣ окончанія дѣловыхъ совѣщаній сотрудниковъ. Забылъ я о Василии Петровичѣ Поповѣ. Какъ извѣстно, Писаревъ былъ съ нимъ близко знакомъ, нанималъ у него комнату, питалъ большое довѣріе и расположеніе. Писаревъ и арестованъ былъ въ квартирѣ Попова, причемъ книжные шкапы послѣдняго были тоже опечатаны.

Поповъ служилъ преподавателемъ, не помню, въ какомъ-то кадетскомъ корпусѣ (кажется, въ первомъ). Онъ носилъ военный мундиръ съ голубымъ воротникомъ (либо Лейбъ-Гренадерскаго, либо Семеновскаго полка, не помню, котораго). Былъ онъ невысокаго роста, но изряднаго дородства: коренастъ, широко, хотя не тучень. Вообще довольно массивенъ, что не мѣшало ему быть весьма подвижнымъ, а на редакціонныхъ журфиксахъ весьма полезнымъ и дѣятельнымъ по хозяйственной части. Онъ былъ постоянно озабоченъ, чтобы гости были надлежащимъ образомъ снабжаемы положеннымъ угощеніемъ. Если долго не подавали лампу или чай, то Благовѣтловъ чуточку приласкаетъ бѣглымъ взоромъ Василия Петровича; тотъ какъ-то незамѣтно стушевывался на нѣсколь-

ко минутъ въ заднія комнаты. И требуемый предметъ появляется немедленно въ гостиной.

Поповъ почти всегда пріятно улыбался; и чѣмъ человѣкъ, съ которымъ онъ заговаривалъ, былъ ему и редакціи менѣе знакомъ, тѣмъ пріятнѣе улыбался. Къ Писареву онъ, несомнѣнно, былъ очень привязанъ. Старался не выказывать этого, но заботился о немъ, какъ любящая нянька, особенно когда тотъ горячился или былъ навеселѣ. В. П. самъ былъ не прочь отъ пуншика, но его голова и нервы выдерживали гораздо болѣе, чѣмъ писаревскіе.

Человѣкъ онъ былъ заурядно умный и образованный. Въ Писаревѣ онъ, какъ мнѣ казалось, цѣнилъ не столько дарованіе и знанія, какъ недюжинно хорошія человѣческія чувства.

II.

Писаревъ: внѣшность; свойства характера, скромность, вспыльчивость, незлобіе.— Психическая болѣзнь; самонаблюденіе; «Атта Троль» какъ лекарство.—Первая любовь; трагическій ея эпизодъ.—Редакціонные кутежи, похотливость Благосвѣтлова и вліяніе ихъ на Писарева.—Отношеніе къ нему Благосвѣтлова.—Городскіе слухи.—Пушкинофобіе Писарева.

Мнѣ иногда сдается, что тѣ, кто читалъ Писарева въ нынѣшнія времена, спустя полвѣка послѣ безпощадно рано прерванной его жизни, представляютъ себѣ Дмитрія Ивановича лохматымъ, грубымъ, нетерпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ, «нигилистомъ», если не совсѣмъ Волоховымъ, то по малой мѣрѣ Базаровымъ. Во всякомъ случаѣ тѣмъ Базаровымъ, который нарисованъ Тургеневымъ въ качествѣ типичнаго представителя новыхъ людей, появившихся на переломѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Но если современные читатели такъ воображаютъ, то они ошибаются.

Писаревъ, являющійся на Николаевскій вокзалъ (въ 1861 г.) ряженымъ кучеромъ съ подвязанной бородой и кнутомъ предназначеннымъ для бичеванія своего счастливаго соперника, или Писаревъ, выступающій въ печати съ поднятымъ на Пушкина кулакомъ, и т. д., былъ на взглядъ людей, хорошо знавшихъ его еще студентомъ, не тѣмъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы студенчества и первые годы своего писательства. Словно его подмѣнили. Да если и дѣйствительно подмѣнили, то только наочно, внѣшне, напускными средствами.

Допустимъ, что гоненіе на Пушкина, преувеличенное значеніе, которое Дм. Ив. придавалъ естествознанію, и нѣкоторые другіе рѣзкіе его поступки давали право Тургеневу относить Писарева къ группѣ Базаровыхъ. Зато печальный (и въ то же время, къ сожалѣнію, комическій) эпизодъ съ переодѣваніемъ, вызванный его когда-то глубоко-нѣжной, чистой любовью,—далеко не въ база-

ровскомъ вкусѣ. Эта выходка Дм. Ив. не только не придастъ ему сходства съ тургеневскимъ типомъ «нигилиста», но какъ бы явно устраняетъ его изъ базаровской группы.

Повторяю: я не имѣю въ виду вдаваться въ оцѣнку публицистической дѣятельности Дм. Ив. Но чтобы очертить возможно вѣрно человѣческій обликъ его, мнѣ приходится коснуться нѣкоторыхъ причинъ, вызвавшихъ въ немъ указанный сейчасъ внѣшній (накожный, такъ сказать) переворотъ.

Помню, однажды, когда общая бесѣда въ редакціи «Русскаго Слова» зашла о Гарибальди и Наполеонѣ III, Писаревъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, всѣ прекрасныя человѣческія свойства сосредоточены въ первомъ, а вся гнусность человѣческой природы угнѣздилась во второмъ. Это выраженіе запало въ мою память; и впослѣдствіи мнѣ не разъ приходило на мысль, что все прекрасное въ самомъ Писаревѣ было присуще его природѣ, а все, или почти все, достойное порицанія было ему привито средой, въ которую онъ попалъ, и людьми, хотя весьма цѣнившими его, даже привязанными къ нему, но цѣнившими преимущественно за его даровитость, умъ, знанія, а не за прирожденные ему симпатичныя нравственныя качества. Рѣзкое исключеніе въ этомъ отношеніи представлялъ В. П. Поповъ. Первыми пользовались для разныхъ цѣлей, хотя и не имѣя прямо въ виду эксплуатировать его; вторыя же чуть не затапывали въ грязь и въ лучшемъ случаѣ не считались вовсе съ ними.

Благосвѣтловъ вскорѣ послѣ приобрѣтенія Писарева для «Русскаго Слова» говорилъ мнѣ (Гр. Евл. зналъ меня далеко ранѣе, чѣмъ Писарева, и потому иногда впадалъ со мной въ откровенность): «Золотая головка. Ахъ, какая золотая! Сколько въ ней сокровищъ накоплено!» И я не сомнѣваюсь, что Гр. Евл. говорилъ это вполне искренне.

Я самъ раздѣлялъ это мнѣніе, тѣмъ болѣе, что зналъ Дмитрія Ивановича годами тремя ранѣе, чѣмъ съ нимъ познакомился Благосвѣтловъ, когда онъ еще слушалъ лекціи въ университетѣ. Я любилъ его не за одну «золотую головку»; любилъ и цѣнилъ не съ точки зрѣнія общественныхъ вопросовъ дня, а съ точки зрѣнія просто человѣческой.

Мы съ нимъ были почти ровесники; встрѣтились впервые у редактора журнала «Разсвѣтъ», издаваемого ¹⁾ артиллерійскимъ капитаномъ В. А. Крепнинымъ. Я только что поступилъ тогда въ артиллерійскую академію, а Писаревъ былъ студентомъ и печаталъ кое-что въ «Разсвѣтѣ».

¹⁾ Впослѣдствіи отчасти на мои деньги. Мой союзъ съ Крепнинымъ окончился третейскимъ судомъ, освободившимъ меня отъ всякихъ дальнѣйшихъ расходовъ и обязательствъ по изданію журнала. Судьями были со стороны Крепнина Е. П. Карновичъ и В. Я. Стоюнинъ, а съ моей—М. Г. Мамаевъ и А. Г. Неболсинъ (нынѣ редакторъ журнала «Техническое Обозрѣніе».)

Рѣдко въ теченіе моей долгой жизни мнѣ случалось встрѣчать такихъ симпатичныхъ, влекущихъ къ себѣ людей, какъ студентъ Писаревъ. Доброе кругловатое лицо почти дѣтскихъ очертаній, гладко подстриженные золотисто-русые волосы. Голубой воротникъ студенческаго мундира (всегда опрятнаго въ тѣ времена) придавалъ еще болѣе миловидности (мы говоримъ *миловидности*, а не привѣтливости, потому что въ примѣненіи къ студенту Писареву первое намъ кажется точнѣе) дѣвственному облику Дм. Ив. Дѣвственность и скромность его были не впѣшнія, не напускныя. Въ глазахъ теплился яркій покойный огонекъ серьезной мысли. Онъ держалъ себя почти робко въ кружкѣ сотрудниковъ кремпинскаго журнала, большинство которыхъ состояло изъ людей гораздо насъ обоихъ старѣйшихъ: Водовозова, Карновича, братьевъ Шишкиныхъ. Его тогда почти не замѣчали сначала, а замѣтили только тогда, когда бѣдняга сошелъ съ ума. Тогда только обратили нѣкоторое вниманіе и на его юношескія статейки, появившіяся въ «Разсвѣтѣ»; статейки интересныя, умныя, но ничѣмъ особенно не выдававшіяся. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, выраженному послѣ, когда онъ вылечился и сталъ писать въ «Русскомъ Словѣ», тяжкая психическая болѣзнь содѣйствовала развитію его таланта. Можетъ быть. Не будучи психіатромъ, я не смѣю вдаваться въ обсужденіе этого вопроса.

Робость и скромность Дм. Ив. выражались между прочимъ тѣмъ, что въ присутствіи лицъ, мало ему знакомыхъ, онъ почти постоянно молчалъ. Вслушивался же онъ въ чужіе разговоры внимательно, спокойно, безъ напряженія. Когда изрѣдка высказывалъ свое мнѣніе, то лицо его вспыхивало, какъ у красной дѣвушки, и онъ часто не во время обрывалъ рѣчь. Робость эта не истекала у него (какъ часто объясняютъ это свойство) изъ чрезмѣрнаго самолюбія. Ни самолюбивымъ, ни тщеславнымъ Писаревъ отъ природы не былъ. Онъ былъ, конечно, слишкомъ уменъ, чтобы не знать себѣ цѣны, но онъ и недостатки свои зналъ; много работалъ надъ собой, стараясь пріучаться правильнѣе оцѣнивать людей и идеи. Вслушивался онъ въ чужія рѣчи, какъ я сказалъ, внимательно, вдумчиво; высказывался мѣтко, но въ тотъ періодъ его зеленой юности, котораго мы касаемся, не всегда, кажется, былъ увѣренъ: нужно ли было въ данный моментъ сказать именно то, что онъ сказалъ, хотя едва ли въ глубинѣ своей души когда-нибудь сомнѣвался, что сказанное имъ само по себѣ имѣетъ цѣнность. Только позднѣе въ немъ выработалась хлесткая, словно напускная, самоувѣренность (почти намѣренно воздѣланная новыми друзьями), и это легко объясняется быстротой, съ которой онъ, благодаря своему дарованію, занялъ видное положеніе въ публицистикѣ.

Со молодыми же пріятелями, особенно съ глазу на глазъ, Писаревъ не былъ робокъ, а скорѣй откровененъ. Не только въ идейно-общественномъ смыслѣ, но и въ личномъ, какъ я замѣтилъ выше,

онъ безъ всякаго усилія и даже не сознавая того самъ, располагалъ насъ къ себѣ. Будучи отъ природы проникновененъ и склоненъ къ доброму чувству, онъ искренне отзывался на дружеское расположеніе.

Напримѣръ, онъ не скрывалъ своей юношеской любви, даже слишкомъ щедро,—конечно, не такъ, какъ Крестовскій о своей любви,—разсказывалъ о ней. Всякому, кому онъ повѣрялъ эту «свою тайну» (она, впрочемъ, вовсе не была ни для кого тайной), было ясно, что эта любовь чиста, идеальна и сильна, невзирая на ея юношескій въ существѣ характеръ. Сдавалось, однако, что вслѣдствіе юности влюбленнаго страсть недолговѣчна, тѣмъ болѣе, что онъ, будучи влюбленъ, не избѣгалъ мимолетныхъ сближеній съ женщинами. и проч.

Надо замѣтить, что Дм. Ив. питалъ «органическое» (онъ любилъ употреблять въ примѣненіи къ себѣ это слово и оно было мѣтко) нерасположеніе къ глупости и бездарности. Однако, понимая, что эти свойства присущи данному человѣку независимо отъ его воли, онъ остерегался высказывать свое неудовольствіе и даже помогалъ пріятелямъ, одержимымъ этими свойствами, по возможности ослаблять ихъ выраженіе, особенно, если дѣло касалось чего-нибудь практическаго: самообразованія, научныхъ занятій, заработка.

Таковъ былъ Писаревъ до своей психической болѣзни, поразившей его. Таковъ онъ былъ и послѣ болѣзни въ самое первое время сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ».

Самую причину недуга люди, знавшіе его поверхностно, объясняли (какъ это почти всегда дѣлается) тоже поверхностно и односторонне — «несчастной любовью». Что любовь играла тутъ немалую роль — несомнѣнно: душевныя струны «матеріалиста» Писарева были тонко и нѣжно настроены самой природой. Но, насколько я, нерѣдко выдавшій его въ предболѣзненный періодъ, могу судить — существовали и иные поводы. Къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести главнымъ образомъ его усилія умалить силу своей страсти возможно интенсивной мозговой работой. Работалъ же онъ передъ болѣзнью настолько интенсивно, что самая работа, помимо любви, могла бы, хотя и временно, зловредно подѣйствовать на психику менѣе даровитаго молодого человѣка. Онъ многому учился, читалъ массу ученыхъ сочиненій, ничего не воспринималъ на вѣру и старался самостоятельно своимъ умомъ постигнуть «настоящую правду», которую, какъ извѣстно, искать сталъ уже тогда въ естествознаніи. Все это для него было не такъ легко, во-первыхъ, потому, что по естествознанію онъ не былъ специально освѣдомленъ; во-вторыхъ, потому, что авторитеты нѣкоторыхъ геніевъ нелегко поддавались отрицанію, и борьба съ ними не всегда была побѣдоносна.

Послѣ его болѣзни я съ нимъ увидѣлся немного дней спустя по его возвращеніи въ Петербургъ. Онъ оказался прежнимъ, симпатич-

нымъ, добросердечнымъ, интересно умнымъ Писаревымъ. Замѣчательно, что онъ тогда рассказывалъ,—причемъ, видимо, ему доставляло удовольствіе рассказывать,—о своей болѣзни. Ея различные фазисы онъ помнилъ, анализировалъ, мотивировалъ, хотя и предположительно. Объ этой болѣзни впослѣдствіи было много напечатано; а поэтому я считаю лишнимъ о ней распространяться. Не могу, однако, не отмѣтить факта, касающагося финала недуга, факта, о которомъ мнѣ нигдѣ не случалось читать, и о которомъ знаю отъ него самого.

— Когда я вышелъ изъ больницы,—такъ приблизительно рассказывалъ мнѣ Дмитрій Ивановичъ,—и когда меня перевезли въ имѣніе отца, гдѣ жила вся наша семья ¹⁾, я весьма отчетливо помнилъ все, что со мной происходило въ лечебницѣ. А кромѣ того, сознавалъ, что хотя, покинувъ ее, я уже былъ «въ здоровьѣ умѣ и твердой памяти», но что эта здравость и твердость какъ-то за мной не обезпечены. Я жилъ въ постоянномъ опасеніи, что снова сорвусь. И мнѣ стоило большихъ психическихъ усилій, чтобы не сорваться. Я могъ сдерживать себя, однако (хоть и не всегда), передъ окружающими. Зато наединѣ съ самимъ собою мнѣ часто становилось очень жутко... Чтеніе, при весьма сосредоточенномъ вниманіи, успокаивало только на время. Но, во-первыхъ, успокаивало недостаточно, а, во-вторыхъ, довольно скоро утомляло. Это малосиліе мозга меня злило, какъ будто бы пробуждало въ головѣ и нервахъ безуміе. Перечитывая, между прочимъ, Гейне, я съ страннымъ радостнымъ волненіемъ присосался къ «Атта Троль»; почти безвольно сталъ переводить поэму. И эта работа дѣйствовала на строй моей мысли такъ благотѣльно, что я начиналъ чувствовать нѣкоторое дѣйствительное успокоеніе. Когда же я кончилъ, то просто какой-то на нѣсколько мгновеній бѣшенный восторгъ ощутилъ. До того обрадовался, что глупо ударилъ по столу кулакомъ и воскликнулъ вслухъ: «А вѣдь я совсѣмъ здоровъ!»... Стало мнѣ хорошо, словно я тяжелый грузъ изъ себя выкинулъ. Съ той минуты я уже не сомнѣвался, что дѣйствительно избавился отъ ненавистнаго недуга. Предоставленіе о немъ, дотолѣ словно торчавшее предо мною постоянно, представленіе почти осязательное,—вдругъ исчезло. Мнѣ казалось, что оно струсило, спряталось. А скоро я о немъ и совсѣмъ забылъ. Если же, какъ теперь, вспоминаю о немъ, то отвлеченно, объективно, хладнокровно: какъ о фактѣ, лично до меня не касающемся, однако небезынтересномъ и заслуживающемъ вниманія.

Излечившись отъ тяжкаго недуга, Дм. Ив. вернулся въ Петербургъ для окончанія курса, сдачи экзаменовъ въ университетѣ,

¹⁾ Тульской губерніи Новосильскій уѣздъ. Имѣніе Бутырки, принадлежавшее отцу Дм. Ив., отставному штабсъ-капитану Ивану Ивановичу, состояло изъ небольшой усадьбы и около 500 десятинъ земли.

вообще для дальнѣйшихъ научныхъ занятій. Онъ чувствовалъ себя здоровымъ, какъ мы сейчасъ говорили, сознательно признавалъ себя таковымъ, тѣмъ не менѣе, внимательно за нимъ наблюдая со стороны, легко было подмѣтить что-то скорбно-тревожное. Не то его все еще беспокоила неувѣренность въ прочности привязанности любимой имъ дѣвушки, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ оставался нѣкто Гарднеръ, молодой человѣкъ, тоже любившій ее. Не то онъ, несмотря на выше приведенныя слова, все еще опасался возврата болѣзни.

Собственно университетскій экзаменъ онъ сдалъ ¹⁾ скоро, легко и успѣшно. Но появилась очень интересная, зато и напряженная, отвѣтственная (для добросовѣстнаго человѣка прежде всего передъ самимъ собой) работа журнальная: онъ принесъ Благосвѣтлову свой переводъ «Атта Троль», и тогда же ему было предложено сотрудничество въ «Русскомъ Словѣ». Вскорѣ онъ получилъ предложеніе быть помощникомъ редактора.

Журнальная работа его живила, доставляла гораздо болѣе удовольстворенія, чѣмъ можно было ожидать. Она приводила его въ соприкосновеніе—посредственное и непосредственное—съ отборной, можно сказать, интеллигенціей того времени. Читающая публика скоро стала зачитываться его статьями. Для него же самого созиданіе этихъ статей представляло психическое облегченіе. Онъ, конечно, могъ впадать въ ошибки, могъ сбиваться иногда съ пути, намѣченнаго имъ самимъ, и быть самимъ собою недоволенъ; его писанія никогда не были вымучены мозговыми усиліями, они давались ему легко, несмотря на беспорядочность личной обстановки, а нѣкоторой частью молодежи принимались относительно чуть не за откровеніе.

— Григорій Евлампіевичъ!—не разъ случалось мнѣ слышать почти робкое обращеніе Писарева къ редактору:—мнѣ хотѣлось бы написать статью (имя рекъ)... Она у меня въ головѣ органически сложилась.

И Гр. Евл., разумѣется, тутъ же обезпечивалъ напечатаніе статьи, будучи увѣренъ, что она дѣйствительно сложилась въ «золотой головкѣ». Когда же статья появлялась въ печати, то она обыкновенно имѣла отрадный для автора успѣхъ, ибо даже критическое къ ней отношеніе публицистовъ другого либеральнаго лагеря обнаруживало, не взирая на свою напускную хлесткость, серьезное вниманіе къ таланту, выходящему изъ ряда вонъ.

Словомъ, эта писательская сторона дѣятельности Писарева въ то время служила изряднымъ противоядіемъ его любовнымъ сомнѣніямъ, которыя, впрочемъ (есть основаніе полагать), постепенно, какъ и са-

¹⁾ Весною 1861 года,

мая страсть, начинали отступать на задній планъ его психической жизни. Тѣмъ не менѣе Дм. Ив. вслѣдствіе ли желанія радикально отдѣлаться отъ любовныхъ тревогъ, вслѣдствіе ли своихъ природныхъ свойствъ, вслѣдствіе ли благожелательства своихъ тогдашнихъ друзей, желавшихъ содѣйствовать окончательному освобожденію его отъ путъ Амура, а вѣрнѣе всего по совокупности всѣхъ этихъ причинъ сталъ чаще и чаще прибѣгать къ такъ называемымъ кутежамъ, къ вину, картамъ и женщинамъ, лишеннымъ женственности.

Правда, онъ и ранѣе своей болѣзни не брезгалъ такимъ противоядіемъ; однако послѣ болѣзни онъ убѣдился, что это средство мало ему помогаетъ и даже вредить. Но характеръ онъ имѣлъ далеко не желѣзный; и въ періодъ своего сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ» прибѣгъ вновь къ старому медикаменту, но въ усиленныхъ дозахъ. Этому не мало содѣйствовалъ самый складъ редакціонной обстановки и самое благожелательство окружающихъ.

Благосвѣтловъ самъ былъ не прочь кутнуть, хотя нѣкоторымъ образомъ «по-фельдфебельски», то есть не очень гласно. Его назначенные вечера, о которыхъ мы уже говорили, были скучны и чинны. О своихъ повадкахъ Благосвѣтловъ воздерживался говорить; въ карты на этихъ вечерахъ почти никогда не играли; угощеніе виномъ было скудное, во всякомъ случаѣ невинное. И все-таки Гр. Евл., когда бывалъ настроенъ весело, нерѣдко прорывался и на этихъ ассамблеяхъ. Въ присутствіи же болѣе или менѣе только «своихъ» онъ не прочь былъ позволить себѣ впасть въ эротико-эпикурейское настроеніе, особенно при воспоминаніяхъ о Парижѣ.

Онъ любилъ и умѣлъ, добросовѣстно отдавъ «дѣлу время», урвать и часокъ для «потѣхи». Поэтому въ обычные, не фиксированные вечера Благосвѣтловъ съ ближайшими наличными сотрудниками, покончивъ занятія и дѣловые разговоры, охотно баловался картами, пуншикомъ, виномъ и даже словесной порпографіей. Писаревъ, почти всегда бывавшій тутъ по литературной надобности, принималъ участіе въ этихъ интимныхъ потѣхахъ и, къ сожалѣнію, увлекался ими; не берегъ ни своихъ силъ, ни мозга. Вообще же возбуждался (по самымъ своимъ природнымъ свойствамъ) легче прочихъ. А Благосвѣтловъ его даже поощрялъ и радовался, когда «золотая головка» дурила, глупѣла и буйствовала, т. е. развлекалась, по понятію редакціонныхъ друзей. Враги Благосвѣтлова рассказывали даже, что послѣдній такъ поступалъ, желая ради корыстныхъ цѣлей упрочить свое вліяніе на Писарева. Говорили даже, «чтобы удобнѣе эксплуатировать Писарева, чтобы держать его на цѣпи при «Русскомъ Словѣ». Разумѣется, все это по малой мѣрѣ было сильно преувеличено.

Положа руку на сердце, я, зная хорошо и того и другого, считаю себя обязаннымъ отрицать эти инсинуаціи. Благосвѣтловъ

былъ не безъ хитрецы и расчетливъ. Я допускаю, что онъ считалъ для себя и для журнала выгоднымъ не упускать Писарева въ другой писательскій лагерь. Но тѣмъ не менѣе къ Писареву онъ искренне, хотя по-своему, былъ привязанъ. Онъ заботился, разумѣется, чтобы Писаревъ, въ смыслѣ интеллигентномъ державшій себя независимо, не ускользнулъ отъ него, какъ сотрудникъ и другъ. Мало того, я знаю, что Благосвѣтловъ, желая помочь Писареву выбраться поскорѣе изъ сѣтей своей юношеской любви, былъ убѣжденъ, что кутежи и продажныя женщины, которыхъ подсовывали молодому человѣку,—хорошія средства для достиженія хорошей цѣли. Но никакого коварства тутъ не было.

Однако эпилогъ писаревского романа (по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны) оказался, къ сожалѣнію, невыгоднымъ для его репутаціи героя и отчасти служилъ подкрѣпленіемъ слуховъ о коварствѣ Гр. Евл., которые тогда народились въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ. Вотъ какъ было дѣло. Дѣвица, которую Дм. Ив. любилъ, вышла замужъ за другого (кажется, тоже кузена) молодого помѣщика Гарднера. И Писаревъ воспылалъ ревнивымъ, но главное самолюбивымъ негодованіемъ. Одѣвшись въ кучерскіе армякъ и шапку, подвязавъ себѣ бороду, нахлобучивъ на голову подходящій къ такому наряду парикъ, онъ подкараулилъ соперника на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги въ Петербургѣ. Изъ-за угла, такъ сказать, напалъ на врага съ кнутомъ въ рукѣ. Самъ онъ былъ изрядно побитъ и вызвалъ Гарднера на дуэль. Дуэль, однако, не состоялась по нѣкоторымъ обстоятельствамъ.

У Писарева, какъ у всякаго свѣтила, особенно восходящаго, конечно, было много недоброжелателей, даже между близкими знакомыми, которые и не преминули поднять его по случаю этого водевиля съ переодѣваніемъ на смѣхъ. Смѣхъ былъ злорадный. Комическое положеніе, въ которое себя поставилъ Дм. Ив., доставляло готовый матеріалъ для насмѣшекъ, даже для обвиненія его въ непослѣдовательности по отношенію къ научнымъ и общественнымъ теоріямъ, которыя онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ въ печати.

Едва ли не пуще еще доставалось при этомъ Благосвѣтлову, котораго уже громко называли корыстнымъ развратителемъ молодого гениальнаго писателя. Что глупый карикатурный поступокъ былъ совершенъ Писаревымъ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ того житейскаго элемента, въ которомъ Писаревъ, при содѣйствіи Благосвѣтлова и компаніи искалъ излеченія отъ страсти, едва ли можно отрицать. Но въ сущности любовь Писарева къ тому времени настолько уже ослабѣла, что съ ней можно было бы и вовсе не считаться, особенно постороннимъ, хотя бы и пріятелемъ. Женитьба Гарднера уязвила собственно самолюбіе Дмитрія Ивановича. Даже пріѣздъ Гарднера

въ Петербургъ казался личнымъ оскорбленіемъ. Нѣкоторые изъ пріятелей въ разговорахъ съ Дм. Ив. не столько побуждали его совершить возмездіе, сколько растравляли его рану.

Едва ли кто ожидалъ, чтобы Писаревъ рѣшился на такую выходку; и тѣ, кто подъ вліяніемъ Бахуса травили рану молодого человѣка, придя въ здравый умъ и твердую память, искренне жалѣли о случившемся, тѣмъ болѣе, что его нелѣпый поступокъ ровно никакихъ результатовъ не далъ не только положительныхъ, но даже отрицательныхъ.

Что поступокъ этотъ не соотвѣтствовалъ вообще нравственнымъ свойствамъ Писарева, доказывается уже тѣмъ, что Дм. Ив. черезъ нѣсколько дней успокоился, а вскорѣ возобновилъ прежнія нормально-пріятельскія отношенія къ Гарднеру, продолжавшіяся, насколько мнѣ извѣстно, до конца жизни перваго.

Что касается вспыльчивости Писарева, то онъ былъ, дѣйствительно, вспыльчивъ. Это свойство обуславливалось и прирожденной впечатлительностью, и перенесенной имъ психической болѣзнію, и другими данными, о которыхъ мы упоминали выше. Тѣмъ не менѣе, когда его нервы находились въ нормальномъ состояніи, онъ умѣлъ сдерживать свою горячность; правда, это не всегда удавалось. Но во всякомъ случаѣ онъ скоро остывалъ, былъ отходчивъ. Будучи искренне-добрымъ человѣкомъ и обладая къ тому же острымъ, быстро соображающимъ умомъ, онъ старался исправить свою ошибку, если въ горячую минуту что-нибудь накуролесилъ. Зла онъ не помнилъ.

Даже его излишне запальчивыя публицистическія выходки (во главѣ которыхъ стоитъ его пушкинофобія) можно до извѣстной степени объяснить съ такой же точки зрѣнія. Главнымъ первоначальнымъ поводомъ, на примѣръ, его вылазокъ противъ Пушкина было то, что Дм. Ив., убѣжденный въ универсальной пользѣ матеріализма и естествознанія, возмущался такимъ еретическимъ противоестественнымъ выраженіемъ поэта: «Тьмы мелкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ».

Надо имѣть въ виду, во-первыхъ, что Писаревъ, не взирая на свою густую реалистическую окраску, обладалъ эстетической жилкой. Приведенный же стихъ Пушкина давно оскорблялъ его своей неуклюжестью. Это, дѣйствительно, одна изъ самыхъ нескладныхъ (если не единственная нескладная) фразъ, написанная Пушкинымъ. Эта фраза оскорбила Дм. Ив. еще въ ранней юности своею неуклюжестью. Именно вслѣдствіе своей неуклюжести этотъ стихъ чаще прочихъ внезапно появлялся въ его памяти. Когда же кругозоръ юношескаго ума сталъ расширяться,—самостоятельно и подъ вліяніемъ новыхъ научныхъ теченій,—то это выраженіе обратилось для него во что-то похожее на антикультурный кошмаръ, который грозилъ загадить «соромъ лжи» тропинку, пробиваемую къ куль-

турному совершенству Россіи. Раздражавшій Писарева афоризмъ былъ провозглашенъ такимъ популярнымъ поэтомъ земли Русской, что зло, которымъ онъ грозилъ (по мнѣнію Писарева), возможно было предупредить не иначе, какъ торжественно, публично развѣнчавъ и унизивъ ея глашатая. Дм. Ив., считавшій полезнымъ вообще развѣнчивать авторитеты, былъ искрененъ, предложивъ редакціи взять на себя всенародное низложение Пушкина. Искрененъ ли былъ и Благосвѣтловъ, согласившійся на это святотатство, мы не беремся рѣшать. Во всякомъ случаѣ онъ разумѣлъ, что при данномъ настроеніи общества такая вылазка можетъ оказаться во многихъ отношеніяхъ полезной для общества... и по пути и для редакціи «Русскаго Слова» также.

Писаревъ, какъ извѣстно, выполнилъ возлагаемыя на него Благосвѣтловымъ упованія. Но въ существѣ крупно промахнулся. Во-первыхъ, многое истинно дорогое всякому русскому, уравнивающее съ избыткомъ ничтожные грѣхи поэта онъ упустилъ изъ виду; прозу же его совершенно обошелъ; «прозѣвалъ», какъ выразился не помню кто-то изъ позднѣйшихъ писателей. Во-вторыхъ, Дм. Ив. создалъ на немного лѣтъ такое неподходящее къ своимъ принципамъ отношеніе общества, по преимуществу молодого поколѣнія, къ Пушкину: Пушкина, не читая, отрицали, основываясь только на *авторитетѣ* Писарева. А Писаревъ въ принципѣ *авторитеты*—отрицалъ.

Н. Фирсовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ СЛОВО“¹⁾.

(Изъ воспоминаній шестидесятника).

III.

Благосвѣтловъ, какъ преподаватель русской словесности.—Внѣшность его.—Полезность и интересность преподаванія.—Благородное отношеніе къ ученикамъ.—Язытельность.—Мнѣніе о Пушкинѣ и Гоголѣ.—Народолюбіе.—Какъ редакторъ «Русскаго Слова».—О женщинахъ.—О русскомъ мужикѣ.—Поводы минаевского недовѣрія.—Пророчество Достоевскаго.—Арестъ Благосвѣтлова.—Ничтожность причинъ.—Записка ко мнѣ.—Еще о редакціонныхъ вечеринкахъ.—Благосвѣтловъ о Чернышевскомъ.

ГРИГОРІЯ Евлампіевича Благосвѣтлова я зналъ съ 1852 года, когда онъ преподавалъ русскій языкъ въ приготовительномъ пансіонѣ барона Клодта (мнѣ самому было тогда тринадцать лѣтъ), а также и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, куда я поступилъ изъ пансіона. Григорій Евлампіевичъ появился у насъ въ пансіонѣ черезъ нѣсколько дней послѣ скоропостижной кончины его предшественника, старца В. К. Тилло. Этотъ Тилло былъ архаическій преподаватель. У него учился русскому и нѣмецкому языкамъ еще мой отецъ, который тоже воспитывался въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Тилло былъ коренастый, добродушный простякъ-нѣмецъ, типа толстовскаго Карла Ивановича. Впрочемъ, онъ отличался отъ послѣдняго тѣмъ, что говорилъ по-русски правильно, писалъ до приторности грамматически, и тѣмъ, что кое-что прочи-

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXVI, стр. 490.

талъ по-русски. Въ классѣ же онъ вѣчно нянчился съ переводами Жуковского съ нѣмецкаго языка, задавалъ ихъ намъ учить наизусть, по нимъ диктовалъ и дѣлалъ синтаксическіе разборы. Особенно пристрастенъ былъ онъ къ «Ундинѣ», такъ что его самого мальчики прозвали Ундиной. Съ новѣйшими русскими писателями онъ учениковъ не знакомилъ, да едва ли ихъ самъ зналъ, развѣ что по именамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ кончины этого антика, въ концѣ ноября 1852 года, въ нашъ пансіонъ явился новый учитель, Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, котораго мы сразу и глупо прозвали Гришкой Ламповщикомъ, но котораго, однако, почти что полюбили. Полюбили, во-первыхъ, за то, что грамматикой онъ угощалъ насъ весьма умѣренно, зато умѣлъ заинтересовать чтеніемъ и толкованіемъ новѣйшихъ писателей; во-вторыхъ, и главное, за то, что хотя онъ былъ добродушенъ и терпѣливъ менѣе Тилло, но умѣлъ вносить въ обращеніе съ мальчиками благородную терпимость, чего у большинства тогдашнихъ учителей не замѣчалось. Онъ избѣгалъ оскорблять въ насъ чувство человѣческаго достоинства, хотя, видимо, не безъ борьбы со своимъ желчнымъ и изрядно раздражительнымъ темпераментомъ.

Въ наружности Григорія Евлампіевича не было ничего ни особенно располагающаго, ни отталкивающаго: какая-то полинялая зауридность. Тогда онъ былъ еще молодъ (какъ я узналъ отъ него самого позднѣе, онъ былъ ровесникъ Н. Г. Чернышевскаго); но по лицу ему можно было бы дать тридцать пять и болѣе лѣтъ. Этому, вѣроятно, содѣйствовалъ сизый цвѣтъ его тщательно, до лоска бритыхъ щекъ, подбородка и очень длинной верхней губы; а также жестоковатое выраженіе мало выразительныхъ тускло-сѣрыхъ глазъ, которые почти никогда не улыбались привѣтливо. Мнѣ и въ дѣтствѣ и гораздо позднѣе, когда я съ нимъ водилъ знакомство, всегда казалось, что напряженно длинный промежутокъ между тупымъ носомъ и ртомъ накладывалъ veto на его попытки ласково улыбнуться. Зато насмѣшливая, иногда и колкая, улыбка выходила у него довольно отчетливо. Роста и дородства онъ былъ средняго. Темнорусые волосы причесывалъ гладко. Руки имѣлъ небольшія, мягкія, съ тупыми пальцами; казалось, что имъ всегда было холодно, ибо и онѣ были сизаго цвѣта, не говоря уже о синихъ ногтяхъ, которые всегда были до того плотно обстрижены, что казались обгрызанными. Одѣвался Григорій Евлампіевичъ въ началѣ его служебнаго поприща довольно тщательно, даже щеголевато. Въ классъ являлся въ отлично спитомъ свѣжемъ вицъ-мундирномъ фракѣ съ золочеными пуговицами и бархатнымъ воротникомъ. А подъ мышкой приносилъ темно-зеленый элегантный портфель.

Для меня въ училищѣ видъ этого портфеля былъ очень пріятенъ, ибо Благосвѣтловъ (ко мнѣ благоволившій) зачастую приносилъ

что-нибудь «вкусное», новенькое по части русской литературы или русской старины, и давалъ мнѣ на домъ читать.

Таковъ былъ внѣшній Благосвѣтловъ въ 52—53-мъ годахъ, когда мы у него учились въ пансіонѣ. Таковымъ же онъ оставался и позднѣе до 1856 года, послѣ его ареста и заграничной поѣздки, когда я, уже достигнувъ выпускного класса, посѣщалъ его въ маленькой квартиркѣ въ Эртелевомъ переулкѣ. Такимъ же я его зналъ позднѣе въ редакціи «Русскаго Слова», когда я самъ слушалъ лекціи въ военной академіи.

Вообще же онъ производилъ своей внѣшностью и не на однихъ своихъ учениковъ, еще мальчиковъ тринадцати-шестнадцати лѣтъ, но и на своихъ коллегъ въ артиллерійскомъ училищѣ и въ пажескомъ корпусѣ впечатлѣніе странное: не то педантъ-чиновникъ, не то семинаристъ—отзывались о немъ другіе учителя. Въ пажескомъ корпусѣ пажи его откровенно не любили за «семинарскія повадки» и особенно за его неблаговоспитанную раздражительность, которую ему не всегда удавалось сдѣрживать и которая порождала часто саркастическія, довольно топорныя, переходившія въ грубость выходки. Особенно раздражался онъ противъ тѣхъ воспитанниковъ пажескаго корпуса, которые отлично знали французскій языкъ, а по-русски «лапти плели». Еще онъ не любилъ во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавалъ, учениковъ балтійскихъ нѣмцевъ. А ихъ въ тѣ времена поступало въ военныя учебныя заведенія много и, надо сказать правду, съ непозволительно скудными познаніями по части русскаго языка.

У насъ тоже было не мало балтійцевъ—все добрые парни, прекрасные товарищи. Но они безъ всякаго интереса относились къ русскому языку и безсознательно, быть можетъ, питали увѣренность, что, плетя лапти по этой части, они все-таки сдѣлаютъ карьеру. И, дѣйствительно, не ошибались. Однако у насъ все-таки преобладала молодежь настоящая русская, которая прощала Григорію Евлампіевичу его рѣзкія выходки за то, что онъ умѣлъ заинтересовать самыхъ равнодушно-лѣнливыхъ мальчиковъ своими рассказами исторически-культурнаго свойства, связанными съ преподаваемымъ предметомъ. Это было тогда пріятной новинкой, содѣйствовавшей успѣхамъ ученія.

Кромѣ того, и, главнымъ образомъ, потому мы прощали его вспыльчивость, что онъ умѣлъ искренно или намѣренно (юноши, конечно, склонны вѣрить искренности) заглаживать всякую свою грубость, а тѣмъ паче ошибку, выходкой симпатичной и великодушной. Напримѣръ. Однажды въ IV классѣ Михайловскаго артиллерійскаго училища (средній возрастъ воспитанниковъ этого класса около 15 лѣтъ) Благосвѣтловъ былъ выведенъ изъ терпѣнія дѣйствительно тупоумно-нелѣпнымъ изложеніемъ урока однимъ изъ нашихъ товарищей М., нѣмцемъ.

М. былъ хорошій, искренній и благородный юноша, но, какъ мы замѣтили уже, подобно многимъ своимъ соплеменникамъ, къ русскому языку относился какъ къ неизбѣжному злу, лежащему на пути къ военной карьерѣ. Онъ урокъ вызубрилъ, но смысла не обмозговаль; Григорій Евлампіевичъ пытался, увы, безуспѣшно, навести его на пониманіе предмета; наконецъ разсердился и дрожащимъ отъ раздраженія голосомъ рѣзко выпалилъ:

— Садитесь, господинъ М. У васъ въ верхнемъ этажѣ квартиры отдаются,—и, сказавъ это, какъ-то нехорошо хихикнулъ.

Мы всѣ были возмущены грубостью учителя, хотя и находили ее мѣткой. Но возмущеніе наше длилось недолго, нѣсколько минутъ. Однако нѣкоторые наиболѣе шаловливые изъ нѣмцевъ, противъ желанія самого добродушнаго М., къ слѣдующей лекціи Благосвѣтлова умудрились приготовить нѣчто въ родѣ скандала. Они поставили учительскій столъ на каедрѣ на самое переднее ребро ея, такъ, что когда пришелъ Григорій Евлампіевичъ, имѣвшій привычку, опускаясь на своемъ возвышеніи въ курульное кресло, слегка опираться на столъ, то сей послѣдній плашмя, вверхъ тормашками, гулко грохнулся на паркетъ. Темнозеленый щегольскій портфель, книги, бумаги, въ немъ находившіяся, массивный казенный фоліантъ для классныхъ отмѣтокъ, чернильница, перья—все это безпорядочно распростерлось на полу. Нѣсколько учениковъ, обитателей Камчатки ¹⁾,—народъ всегда веселый, безпечный и проказливый,—смѣялись въ кулакъ. А на каедрѣ, какъ статуя гнѣва съ протянутой въ сторону Камчатки рукой, возникъ Григорій Евлампіевичъ во всемъ величіи своего вицъ-мундира съ золотыми пуговицами, блѣдный и дрожащій. Съ минуту онъ не могъ слова выговорить. Затѣмъ хриплымъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Молодые люди не хотятъ имѣть меня своимъ учителемъ... Отчего бы откровенно мнѣ не сказать, что я пришелъ не ко двору, вмѣсто того, чтобы исподтишка устраивать мнѣ западню... Прощайте, господа, я освобождаю васъ отъ себя!

Сойдя съ каедры, онъ быстро вышелъ изъ нашего класса въ учительскую комнату, гдѣ заявилъ инспектору классовъ о своемъ рѣшеніи, обусловленномъ его личными обстоятельствами и соображеніями. Жалобы же никакой на воспитанниковъ не заявилъ, какъ ни допрашивалъ его полковникъ Шютцъ ²⁾, понимавшій, что Григорій Евлампіевичъ чего-то не договариваетъ. Мы же, озадаченные воспитанники, были огорчены поступкомъ шалуновъ (помнится, то были два нѣмца баронъ Клейстъ и Лерхе); намъ было непріятно

¹⁾ Заднія скамьи, наиболѣе отдаленныя отъ каедры, на которыя обыкновенно забирались самые лѣнныя и шаловливыя мальчики.

²⁾ Инспекторъ классовъ.

потерять такого интереснаго учителя. Классъ выбралъ наскоро депутацію, во главѣ которой очутились я, какъ первый по классу, и дежурный въ тотъ день по классу юнкеръ. Мы пошли въ учительскую комнату, отъ лица всѣхъ товарищей выразили наше искреннее сожалѣніе о случившемся, просили Благосвѣтлова у насъ остаться, замѣтивъ при этомъ, что мы (старшій и дежурный по классу) готовы понести наказаніе за случившійся безпорядокъ, лишь бы только Григорій Евлампіевичъ насъ не покидалъ. Лицо Благосвѣтлова расцвѣло; онъ, несомнѣнно, былъ искренно растроганъ. Дѣло уладилось благополучно, и популярность Григорія Евлампіевича среди юнкеровъ возросла тѣмъ болѣе, что онъ «не сфискалilль» на насъ инспектору.

Другой случай, характеризующій доброкачественность отношенія Благосвѣтлова къ своимъ ученикамъ, былъ таковъ.

Однажды Григорій Евлампіевичъ намъ рассказывалъ что-то о древней русской поэзіи. Говорилъ онъ, какъ всегда, красиво, ясно и ярко. Мы его слушали съ вниманіемъ. Въ классѣ было тихо.

Вдругъ, неожиданно, одинъ изъ воспитанниковъ Шекаразинъ ¹⁾ тоже внимательно дотолѣ слушавшій преподавателя, понутивъ, однако, по своей привычкѣ голову низко къ партѣ, вспрыгиваетъ съ мѣста на скамью какъ мельница, машетъ руками. Лицо его искажается гримасами, онъ фыркаетъ, тараща глаза и нелѣпо мотая головой. Разумѣется, весь классъ разразился хохотомъ. Тѣмъ болѣе выходило смѣшно, что Шекаразинъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ мирныхъ, спокойныхъ и невозмутимыхъ товарищей. Даже прозвище ему дали «Фефела».

Благосвѣтловъ оборвалъ рѣчь, видимо, очень разсердился; когда Шекаразинъ, успокоясь, опустился на свое мѣсто, по обыкновенію понутивъ голову, то Григорій Евлампіевичъ обратился къ виновнику соблазна.

— Г-нъ Шекаразинъ,—сказалъ онъ,—вы поступили болѣе чѣмъ неприлично. Вы не передо мной только, а и передъ всѣми вашими товарищами виноваты. Мнѣ было отраднo видѣть, что моя лекція ихъ интересуетъ. И вдругъ вы прерываете ее вашей клоунской выходкой. Если вамъ самимъ не нравится мой рассказъ, вы могли бы не слушать его: заняться чѣмъ-нибудь другимъ, а не паясничать. Мнѣ очень непріятно, но я вынужденъ записать вашу нелѣпую демонстрацію въ штрафной журналъ.

Кроткій юноша, выслушавъ безотвѣтно эту нотацію, вновь опустился на скамью. Но Григорій Евлампіевичъ еще не успѣлъ достаточно успокоиться, чтобы продолжать лекцію, какъ воспи-

¹⁾ П. С. Шекаразинъ въ 80-хъ годахъ былъ начальникомъ патронныхъ заводовъ. Скончался лѣтъ 20 назадъ въ чинѣ генераль-лейтенанта.

танникъ, сидѣвшій рядомъ съ провинившимся (князь Щербатовъ), всталъ, краснѣя и конфузясь подошелъ къ каедрѣ и сказалъ:

— Григорій Евлампіевичъ, будьте добры, запишите въ штрафной журналъ не Шекаразина, онъ совсѣмъ не виноватъ, а меня. Это я, глядя, какъ онъ сидитъ, повѣся носъ, словно дремлетъ, зажегъ вонючую сѣрянку подъ столомъ и поднесъ ему подъ носъ. Онъ не могъ не вскочить.

Говоря это, Щербатовъ, даровитый юноша, прекрасный товарищъ, но большой проказникъ и весельчакъ, едва сдерживалъ свой смѣхъ, вызванный своей шалостью.

У Благосвѣтлова глаза повеселѣли; его волненіе приняло иной характеръ. Протянувъ руку провинившемуся, онъ сказалъ:

— Вы благородный юноша, г-нъ Щербатовъ. Очень васъ благодарю.

Затѣмъ, сойдя съ каедръ, Григорій Евлампіевичъ приблизился къ Шекаразину и, тоже пожимая ему руку, просилъ извиненія.

Вообще такое обращеніе новаго преподавателя съ нами располагало насъ къ нему, заставляло забывать его комичныя семинарско-чиновничьи замашки и его желчную вспыльчивость. Послѣдняя въ нашихъ глазахъ уравнивалась поступками, подобными описаннымъ выше, и казалась чѣмъ-то рыцарскимъ даже намъ, юнкерамъ Михайловскаго артиллерійскаго училища. Я говорю *даже намъ*, ибо въ нашемъ привилегированномъ военномъ заведеніи по уставу начальство никакого не имѣло права сѣчь или подвергать какимъ бы то ни было тѣлеснымъ наказаніямъ; оно всѣмъ воспитанникамъ говорило вы, а преподаватели, называя фамилію ученика, прибавляли всегда «господинъ». Въ другихъ военныхъ заведеніяхъ, кадетскихъ корпусахъ николаевскаго времени, господствовала розга, «тыканіе» и «тычки».

Надо поставить въ заслугу Григорію Евлампіевичу и то, что въ свою педагогическую систему онъ вносилъ либеральныя новшества въ самый разгаръ военныхъ строгостей николаевскаго царствованія (1852—55 гг.), вызванныхъ европейскими событіями 1848 г.; строгостей, распространявшихся не только на среднія учебныя заведенія, но и на высшія, до университета включительно. Императоръ Николай Павловичъ весьма не жаловалъ наше училище и называлъ насъ словомъ, по его мнѣнію, почти браннымъ: «студенты».

Въ преподаваніе Григорій Евлампіевичъ также вносилъ весьма пріятное новшество, желая оживить и расширить программу, иллюстрируя ее историческими разсказами, эпизодами, и освѣщая ихъ, насколько было возможно, философскими воззрѣніями.

Нашъ курсъ (какъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ) Благосвѣтловъ читалъ въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ (съ осени 1852 г. по 56 г.). Онъ преподавалъ въ трехъ младшихъ классахъ

училища. Мы, юнкера, были въ возрастѣ тринадцати—семнадцати лѣтъ. Впослѣдствіи большая часть ихъ вошла въ разныхъ губерніяхъ въ группы такъ называемыхъ шестидесятниковъ.

Его преподавательская дѣятельность была въ 1856 году прервана внезапнымъ арестомъ, о которомъ нѣсколько словъ ниже.

Мы не имѣемъ въ виду въ настоящемъ очеркѣ вдаваться въ общую сравнительную оцѣнку системъ преподаванія и воспитанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за знаменательный періодъ русской исторіи, лежавшій на рубежѣ двухъ царствованій: николаевского и александровскаго. Если же отмѣчаемъ главнѣйшія черты какъ характера преподаванія, такъ и обращенія Благосвѣтлова со своими учениками, то дѣлаемъ это потому, что Благосвѣтлова можно считать едва ли не первымъ (во всякомъ случаѣ однимъ изъ немногихъ первыхъ) піонеромъ по внесенію живого свѣта въ сухое, какъ скелетъ, схоластическо-фрунтовое преподаваніе «русскаго языка» въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Главнымъ же образомъ потому, что для тѣхъ, кто знакомъ съ литературно-политическими общественными теченіями журнала «Русское Слово», редакторомъ котораго былъ Григорій Евлампіевичъ въ писаревское время, думаемъ, будетъ небезынтересно сравнить окраску этихъ редакторскихъ теченій съ его преподавательскими настроеніями, господствовавшими шесть-семь лѣтъ позднѣе.

Повторяю, мы, юнкера-артиллеристы, и наши сверстники, воспитанники другихъ учебныхъ заведеній, много обязаны Григорію Евлампіевичу расширеніемъ сферы общихъ познаній, соприкасавшихся съ возникавшими въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ общественными вопросами, государственными реформами и зарожденіемъ правильныхъ понятій о тѣсной связи между литературой и общественными явленіями.

Григорій Евлампіевичъ проворно и добросовѣстно справлялся съ сухими программами курса даннаго класса. Онъ мало удручалъ насъ спрашиваніемъ по Гречу и Востокову ¹⁾. И, будучи небезосновательно увѣренъ, что большинство учениковъ слѣдитъ внимательно за его лекціями, не опасался за нашъ успѣхъ на экзаменахъ. Покончивъ же съ официальными требованіями программы даннаго года (въ трехъ младшихъ классахъ, гдѣ онъ преподавалъ, программы обнимали знакомство съ древней славянскою литературой, съ древне-греческими и латинскими памятниками поэзіи, съ эпохой возрожденія, съ русскими писателями XVIII вѣка), онъ развивалъ

¹⁾ Грамматическія руководства того времени.

предъ нами подробности отдѣловъ не только необязательныя, но, по всей вѣроятности, нежелательныя для высшаго учебнаго начальства того времени. По поводу, напримѣръ, образцовъ греческой и латинской поэзіи онъ мастерски накидывалъ эпизодическія историческія картины жизни давнихъ временъ и ярко освѣщаль своими объясненіями ихъ общественно-политическій смыслъ. Сравненій съ настоящимъ онъ непосредственно не дѣлалъ, но эти сравненія сами зарождались въ отроческихъ нашихъ мозгахъ.

Будущій редакторъ вліятельнаго и популярнаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ журнала «Русское Слово», ратовавшаго противъ классицизма (во всякомъ случаѣ школьно-схоластическаго), являлся предъ своими учениками восемь или десятью годами раньше пламеннымъ и существенно-интереснымъ сторонникомъ классицизма, осмысленнаго, общественно-историческаго. Его содержательныя и образцовыя описанія жизни древнихъ обществъ, а затѣмъ очерки періода возрожденія были пластичны, художественно-увлекательны, поглощали наше вниманіе, врѣзались въ память и заставляли работать мозгами. Эти описанія послужили многимъ изъ насъ путеводнымъ свѣточемъ для позднѣйшаго ознакомленія не только съ новѣйшей европейской литературой, но и съ политическимъ строемъ современной намъ Европы. Они подготовляли почву самостоятельнаго развитія взглядовъ на общественные перевороты въ Россіи, которые въ недалекомъ будущемъ намъ пришлось переживать, и въ которыхъ многимъ пришлось участвовать. Къ тому же Благосвѣтловъ не скупился указывать намъ подходящія книги и охотно одолжалъ свои. Указываемыя имъ книги были въ общемъ смыслѣ цензурны, но въ учебныхъ заведеніяхъ чтеніе ихъ не допускалось и большую часть ихъ намъ приходилось читать только дома по праздникамъ. Библіотека у него, какъ я убѣдился въ послѣднихъ пятидесятихъ годахъ, посѣщая его въ Эртелевомъ переулкѣ послѣ его ареста, была изрядно богата.

Само собой разумѣется, что онъ умѣлъ пріохочивать воспитанниковъ и къ русской словесности. Собственно ознакомленіе съ русскими писателями XIX вѣка входило только въ программы двухъ старшихъ классовъ училища, а не трехъ младшихъ, гдѣ преподавалъ Григорій Евлампіевичъ. Но онъ этимъ не стѣснялся и умѣлъ удосужиться познакомить насъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ и даже Тургеневымъ, Григоровичемъ, причѣмъ не упускалъ давать намъ понятіе о культурномъ значеніи ихъ произведеній для родины. Стихотворенія Кольцова, какъ и Плещеева, были тогда строго запрещены и со времени дѣла Петрашевскаго даже изъяты изъ продажи. О нихъ (впрочемъ, главнымъ образомъ о Кольцовѣ) Благосвѣтловъ предъ нами не умалчивалъ, рекомендовалъ ихъ и, правда, не въ классѣ, а у себя

на дому указывалъ мнѣ, что ту и другую книгу можно купить на толкучкѣ и у кого именно. Я, конечно, не преминулъ ихъ приобрести.

Къ Пушкину онъ относился восторженно: какъ къ поэту, мыслителю, человѣку, а особенно какъ къ писателю, любившему русскій народъ и понимавшему народъ. Онъ даже не винилъ Пушкина, какъ то было принято въ нѣкоторыхъ либеральныхъ кружкахъ тѣхъ годовъ (1852—56 гг.), за реакціонное направленіе, обнаружившееся въ концѣ жизни поэта, за его камеръ-юнкерство, вызвавшее на свѣтъ, не помню, кѣмъ измышленную на его счетъ, эпиграмму:

«Онъ прежде вольность проповѣдалъ
И звалъ царей на грозный судъ,
Но царской милости отвѣдалъ
И сталъ смиренный лизоблюдь».

Благосвѣтловъ (мы говоримъ объ его доредакторскомъ періодѣ) причину этой переменѣ хотѣлъ видѣть не въ самомъ писателѣ, а въ его женщинѣ. «Пушкинъ,—говорилъ намъ Григорій Евлампіевичъ,—горячо любилъ свою жену. А что прикажете дѣлать мужу, если женщина, любовь которой поглощаетъ все ваше существо, отворачивается отъ васъ потому только, что вы вернулись домой пѣшкомъ съ мокрыми ногами, что вы не умѣете зарабатывать денегъ на рысаковъ, на собственный экипажъ и добыть для жены доступъ ко двору?»

Такое отношеніе нашего преподавателя, конечно, плохо вяжется съ появленіемъ нѣсколько лѣтъ спустя въ «Русскомъ Словѣ» статей Писарева о ничтожности, даже зловредности Пушкинской поэзіи, но оно остается фактомъ, который мы считаемъ необходимымъ отмѣтить.

Кстати, о женщинѣ. Вдобавокъ къ разсказанному нами выше объ эротическихъ воспоминаніяхъ Благосвѣтлова на его *jours-fixes*, по поводу парижскихъ женщинъ, у него иногда, очевидно, невольно проскальзывали нелестныя фразы о женщинѣ вообще и косвенно о женскомъ вопросѣ. А случалось и такъ: при сравненіи русскаго простолюдина съ западнымъ, особенно французскимъ Григорій Евлампіевичъ не воздерживался отъ грубѣйшаго насчетъ остроумія. Напримѣръ, «весь организмъ нашего мужика пропитанъ кислой капустой», «мозги въ банѣ безнадежно распарены» и т. п.

Вотъ именно эти выходки, противорѣчившія и прежнимъ взглядамъ Благосвѣтлова и направленію его журнала, коробили нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и меня, слышавшаго нѣсколько лѣтъ отъ того же человѣка со школьной каѳедры восторженные фразы и о женщинѣ, какъ о человѣкѣ, и о русскомъ мужикѣ. Къ этимъ-то фразамъ и прислушивался Минаевъ (знав-

шій, хотя и по слухамъ, о прежнемъ народолюбіи и сочувствіи женскому вопросу Благосвѣтлова) въ началѣ своего сближенія съ редакціей «Русскаго Слова», когда онъ самъ еще колебался въ нее вступить. Минаевъ, ради остроты, казался иногда «и вашимъ, и нашимъ», но по воззрѣніямъ, по чувствамъ былъ человѣкъ послѣдовательный.

Кстати, приведу имѣющія нѣкоторое отношеніе къ статьямъ о Пушкинѣ, появившимся въ «Русскомъ Словѣ, слова, слышанныя мною отъ Ѳ. М. Достоевскаго. Я Ѳедора Михайловича нерѣдко встрѣчалъ у А. Н. Плещеева, съ которымъ былъ знакомъ не профессионально, а съ ранняго дѣтства, потому что младшій братъ моего отца былъ его университетскимъ товарищемъ и пріятелемъ. О близкихъ же отношеніяхъ между Достоевскимъ и Плещеевымъ всѣмъ извѣстно.

Какъ-то вечеромъ въ концѣ 1858 или въ началѣ 1859 гг. (я тогда только что вышелъ изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и слушалъ лекціи въ военной академіи) я зашелъ къ Плещееву, жившему въ Болотной (нынче Коломенской улицѣ). Я засталъ у него Достоевскаго. Ѳедоръ Михайловичъ по своему обыкновенію ходилъ беззвучно (онъ любилъ мягкую обувь) взадъ и впередъ по скромно обставленному зальцу. Сухонькая старушка, мать хозяина, сидѣла на диванѣ. Плещеевъ говорилъ о направленіи нѣкоторыхъ толстыхъ журналовъ того времени «великихъ надеждъ и начинаній» и особенно о литературной критикѣ въ этихъ журналахъ. Онъ часто прерывалъ свою рѣчь, словно вызывая Достоевскаго высказать свое мнѣніе, но тотъ равнодушно отмалчивался, можетъ быть, просто по своей привычкѣ подъговорокъ другихъ обдумывать предстоящее изложеніе одного изъ своихъ романовъ. Я уже зналъ ранѣе, что это обдумываніе совершалось у него всего успѣшнѣе на ходу и иногда поглощало всецѣло его мысль при самой неподходящей шумной обстановкѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, напримѣръ, когда мы съ нимъ одновременно жили лѣтомъ на минеральныхъ водахъ Старой Руссы, Ѳедоръ Михайловичъ почти ежедневно подъ вечеръ приходилъ совершать свою прогулку въ общественный садъ, гдѣ гремѣла въ это время музыка, и ходилъ, волоча ноги въ мягкихъ сапогахъ, кругомъ оркестра, заложивъ руки за спину, немного горбясь, одиноко и безмолвно. Онъ, повидимому, не обращалъ вниманія, можетъ быть, не сознавалъ ни присутствія густо толпившейся, трескотно болтавшей публики, ни грохота военныхъ трубъ.

Возвращаясь же домой, какъ мнѣ рассказывали близкія ему лица, онъ почти неизмѣнно сію же минуту диктовалъ, и тоже на ходу по комнатѣ, нѣсколько страницъ романа, которымъ былъ занятъ въ данное время.

У Плещеева во время упомянутого мною вечера Достоевскій изрѣдка останавливался, но только на нѣсколько секундъ, какъ будто собираясь что-то сказать. Но, должно быть, раздумывая, и снова волочилъ ноги по паркету... Плещеевъ между прочимъ упомянулъ о Пушкинѣ и объ отношеніи къ его поэзіи нѣкоторыхъ современныхъ критиковъ. Тогда Достоевскій встрепенулся, рѣзко остановился и, обратясь почему-то прямо ко мнѣ, сказалъ твердымъ, но тихимъ голосомъ:

— А вотъ, помяните мое слово, недалеко время, когда и Пушкина станутъ грязью обливать... Вотъ вы, молодежь, навѣрно, это увидите... А намъ было бы лучше не дожить до этого.

Затѣмъ, повернувшись на своихъ беззвучныхъ подошвахъ, Оедоръ Михайловичъ опять засновалъ по діагонали зала. Плещеевъ, видимо, озадаченный и удивленный, ничего не нашелся сказать, а, помолчавъ немного, какъ-то неувѣренно разсмѣялся и сталъ доказывать, что «это ужъ совсѣмъ невозможно». Старушка даже всплеснула руками, выронивъ свое вязаніе, и почти взвизгнула:

— Ну, ужъ вы, Оедоръ Михайловичъ, скажите тоже!

Достоевскій только мелькомъ оглянулся и строго-утвердительно кивнулъ головой.

Я былъ скорѣе огорченъ, чѣмъ пораженъ; мнѣ вдругъ стало чего-то очень жалко. Не Пушкина, а насъ самихъ—молодежь, выросшую на его произведеніяхъ. Мнѣ чуялось, что Достоевскій не ошибается, какъ ни жестоко было его прорицаніе. Хотя мнѣ рѣдко случалось бесѣдовать съ Оедоромъ Михайловичемъ, но проницательность его меня неоднократно поражала. Правда, въ статьяхъ журналовъ того времени никакихъ признаковъ подготовки вылазокъ на дорогого поэта мнѣ еще не встрѣчалось. Не случилось и слышать въ тѣхъ немногихъ литературныхъ кружкахъ, съ которыми я былъ знакомъ. Я бывалъ въ редакціи «Русскаго Слова», бесѣдовалъ съ Писаревымъ. Я встрѣчался съ И. И. Панаевымъ, Гончаровымъ, Д. В. Григоровичемъ, Краевскимъ въ домѣ моего близкаго родственника ¹⁾, не писателя, но всесторонне образованнаго человѣка, интересовавшагося литературными теченіями, знававшего лично, тогда уже давно покойныхъ, Пушкина, Жуковскаго, Грибоѣдова, Глинку и другихъ. Я бывалъ у Дружинина, а также въ редакціи журнала «Разсвѣтъ». Прислушивался обыкновенно къ рѣчамъ писателей; но никогда никто, ни юные, ни «древніе» не пророчили того, что предрекъ Достоевскій.

Однако тутъ, у Плещеева, мнѣ внезапно вспомнилось нѣсколько странныхъ фразъ, обмѣненныхъ недавно при мнѣ между Благо-

¹⁾ Григорія Павловича Неболсина, впоследствии сенатора и члена государственнаго совѣта:

свѣтловымъ и Писаревымъ по поводу значенія для поэзіи естественныхъ наукъ, хотя при этомъ ничего о Пушкинѣ собственно не упоминалось.

Какъ бы то ни было, пророчество Федора Михайловича вскорѣ исполнилось, причемъ первый и самый острый камень въ Пушкина бросилъ тоже дорогой мнѣ писатель нашего поколѣнія—Писаревъ. Мнѣ становилось горько, что та юношеская рука, которую такъ искренно-дружески жала моя, поднялась на автора «Онѣгина» и «Капитанской дочки». Гораздо позднѣе, когда въ 80-хъ—90-хъ годахъ происходило нѣчто въ родѣ ликвидаціи литературныхъ вѣяній 60-хъ годовъ, и особенно во время юбилейнаго чествованія памяти Пушкина, мнѣ все-таки не менѣе горько было, что погибшій уже тогда давно Писаревъ совершилъ такую ошибку.

Взглядъ на Гоголя, который пытался внушить своимъ ученикамъ Благосвѣтловъ, былъ такъ своеобразенъ и рѣзокъ, что я позволю себя привести его. (Я говорю не только о томъ, какъ будущій редакторъ «Русскаго Слова» характеризовалъ собственно автора «Мертвыхъ душъ» съ каедръ, но и о добавочныхъ его отзывахъ о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ, которые Гр. Евл. не стѣснялся высказывать у себя дома въ 1855—1857 годахъ, когда мы съ нимъ бесѣдовали съ глазу на глазъ у него въ квартирѣ въ Эртелевомъ переулкѣ). Гр. Евл. признавалъ художественную писательскую геніальность въ «Вечерахъ на хуторѣ», въ «Тарасѣ Бульбѣ», вообще въ раннихъ, такъ сказать, непосредственныхъ его произведеніяхъ и одобрялъ тонко-правдиво отдѣланнаго «Ревизора». Онъ старался не только познакомить воспитанниковъ съ этими произведеніями, но и заставить ихъ полюбить, въ особенности первыя, наиболѣе искреннія, непосредственныя. Но геній гуманитарный Благосвѣтловъ отрицалъ въ Гоголѣ. По словамъ будущаго редактора «Русскаго Слова», выходило такъ: не будь Гоголь постоянно стѣсненъ матеріально, не будь онъ неизмѣримо тщеславенъ, онъ не создалъ бы ничего достойнаго вниманія послѣ своей «Диканьки»—свѣжаго благоуханнаго цвѣтка, насажденнаго еще твердой рукой молодого художника-генія (подлинныя слова Благосвѣтлова).

Къ Гоголю, какъ къ человѣку, Благосвѣтловъ относился просто безразлично. Приблизительная суть того, что Гр. Евл. говорилъ въ тѣ времена о Гоголѣ, такова. Гоголь изумительно хорошо воспроизводитъ *только отрицательные* типы чиновничества и дворянства. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ въ виду содѣйствовать самоусовершенствованію этихъ классовъ, непосредственно соприкасающихся съ подавленной массой бѣдности народа, и, слѣдовательно, содѣйствовать улучшенію быта рабочаго и бѣдняка.

Между тѣмъ идеалъ личнаго совершенствованія онъ видитъ въ мудромъ накопленіи богатствъ. Образцы такихъ, по мнѣнію автора, единственныхъ достойныхъ подражанія типовъ онъ приво-

дить. Но въ художественномъ и бытовомъ отношеніи эти типы оказываются недостойными дарованія Гоголя.

Эта неудача объяснялась (по мнѣнію Благосвѣтлова) отчасти и соотвѣтственными личными свойствами автора: его самомнѣніе нелѣпо заносчиво, а инстинкты попрошайки выдаются рельефно. Онъ у безсильныхъ выпрашиваетъ грубо, а передъ сильными пресмыкается. Напримѣръ, у матери своей, весьма стѣсненной въ средствахъ, онъ не стыдится почти грубо требовать денегъ, но униженно выпрашиваетъ подачки у высокопоставленныхъ. Едва ли не подъ вліяніемъ этой склонности создались и его общественно-политическіе воззрѣнія и идеалы. Во всякомъ случаѣ мнѣнія, ярко имъ выдвигаемыя на первый планъ, не идутъ далѣе усовершенствованія государственнаго, общественнаго строя и улучшенія народнаго быта посредствомъ неукоснительно строгихъ жандармовъ, добродѣтельныхъ генералъ-губернаторовъ, разжившихся купцовъ и помѣщиковъ, тоже, впрочемъ, весьма добродѣтельныхъ, то есть исключительно правительственно-капиталистическаго строя, который онъ считалъ и для себя лично полезнымъ. Полезнымъ тѣмъ болѣе, что, напримѣръ, учрежденіе жандармскаго управленія (не особенно популярнаго даже среди высшаго московскаго и петербургскаго общества и нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ слоевъ) совершилось по личной инициативѣ Николая I, увѣреннаго, что это есть одна изъ необходимыхъ мѣръ для отвращенія въ будущемъ движенія, подобнаго декабристскому.

Любовь къ отечеству у Гоголя вылилась,—говорилъ Гр. Евл.,—напримѣръ, его знаменитой «тройкой». Его лиризмъ, можетъ быть, искрененъ, но оказался, къ горю Россіи, весьма недалководиднымъ, чтобы не сказать болѣе. Нашей «удалой тройкѣ» не далѣе, какъ вчера, пришлось съ болью въ сердцѣ «посторониться предъ европейской четверней», пристяжныя которой (Турція, Пьемонтъ, Франція и Англія) никогда, казалось бы, по убѣжденіямъ Гоголя, не могли осмѣлиться вступить въ состязаніе съ Россіей.

Гр. Евл. все это говорилъ скорѣ послѣ севастопольской войны.

Любовь къ народу, желаніе улучшить его нравственное и экономическое положеніе Благосвѣтловъ у Гоголя просто отрицалъ. По его мнѣнію, эти чувства выражались у него натянутыми лирическими восторгами по поводу мѣткости остроумія русскаго мужика (напримѣръ, прозвище, данное мужиками Плюшкину словомъ порхлица и т. п.).

Чаще всего Гоголь относился къ простому люду съ насмѣшкой, съ ироніей надъ его невѣжествомъ, пьянствомъ, безграмотностью. У Гоголя нѣтъ ни малѣйшаго намека на полезность устраненія тогдашней всероссійской причины зла—рабства.

Съ особеннымъ презрѣніемъ отзывался Благосвѣтловъ объ отношеніи Гоголя къ женщинамъ. Женщины и любовь, ярко и тепло очерчен-

ныя въ «Вечерахъ на хуторѣ», скоро выродились у него въ *безсиліе* изображать молодыхъ женщинъ художественно. Одна Юленька Бетрищева. Да и та вышла мало осязаемой.

Преподаваніе Благосвѣтлова въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ было прервано внезапно, когда нашъ курсъ находился въ половинѣ 3-го класса ¹⁾. Гр. Евл. былъ арестованъ. Носились слухи, что онъ высказалъ на лекціи въ пажескомъ корпусѣ (гдѣ онъ тоже преподавалъ) критическія мысли по поводу одного изъ многочисленныхъ въ тѣ годы правительственныхъ проектовъ реформъ. Говорили, будто бы его ученики, пажи, сообщили объ его выходкѣ своему начальству, которое озаботилось эскамотировать его. Потомъ разъяснилось, что Благосвѣтловъ дѣйствительно трунилъ надъ нѣкоторыми преобразованіями по части военной обмундировки. Этому далъ поводъ одинъ изъ воспитанниковъ, восхищавшійся красотой проектированнаго правительственною комиссіей мундира для полка, въ который юноша надѣялся поступить по выходѣ въ офицеры. Иронія Гр. Евл. вырвалась въ формѣ изрядно топорныхъ шутокъ; пажи оскорбились и рѣшили выжить «семинариста» изъ своего заведенія.

Мы, артиллерійскіе ученики Гр. Евл., легко могли вѣрить подобной версіи. Ибо, при всей для насъ симпатичности въ то время преподаванія Благосвѣтлова, при всей прямотѣ его отношеній къ намъ лично, онъ, случалось, и у насъ не воздерживался отъ грубаго, а иногда и обиднаго остроумія, какъ я рассказалъ выше.

Мы не удивлялись, что вознегодовавшіе пажи воспользовались ничтожнымъ поводомъ, дабы отъ него избавиться. А что поводъ былъ ничтоженъ, доказывается тѣмъ, что третье отдѣленіе, державъ его подъ арестомъ короткое время, выпустило на свободу безъ видимыхъ послѣдствій. Вскорѣ ему былъ даже разрѣшенъ выѣздъ за границу, что въ тѣ времена было рѣдкостью для заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности. Кромѣ того, очень скоро по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ ему разрѣшили, правда, по ходатайству графа Г. А. Куселева-Безбородка, быть редакторомъ журнала.

Мы же, воспитанники артиллерійскаго училища, искренно сожалѣли объ его отъ насъ удаленіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ его освобожденія третьимъ отдѣленіемъ я получилъ отъ Гр. Евл. записку, въ которой онъ просилъ возвратить его книги, одолженные мнѣ и моимъ класснымъ товарищамъ, а также передать (я былъ старшимъ, то есть первымъ ученикомъ по классу, а старшіе являлись какъ бы представителями) товарищамъ, что ему истинно грустно съ нами

¹⁾ Возрастъ большинства воспитанниковъ 16 съ небольшимъ лѣтъ.

разставаться. Между прочимъ у меня доселѣ осталась въ памяти слѣдующая фраза записки:

«Въ то время, какъ пажи со столь свойственнымъ имъ безчестіемъ добивали меня въ общественномъ мнѣніи, юнкера артиллерійскаго училища являлись благородными моими защитниками».

Признаюсь, меня, да и не одного меня, это рѣзкое выраженіе: «со столь свойственнымъ имъ безчестіемъ», изрядно покорибило. Во-первыхъ, я и многіе мои товарищи по училищу знали многихъ пажей, дружили съ ними и, конечно, не считали ихъ ни раньше, ни позже безчестными. Во-вторыхъ, обидное его выраженіе относилось огульно къ цѣлой группѣ молодежи, нашихъ сверстниковъ по годамъ и отчасти и по положенію.

Однако мы, отроки артиллеристы, скоро забыли о непріятномъ ощущеніи, вызванномъ его запиской ко мнѣ, и долго продолжали цѣнить его добрыя, хорошія стороны по отношенію къ намъ самимъ.

Чтобы дополнить характеристику вечеринокъ въ редакціи «Русскаго Слова», добавлю нѣсколько строкъ.

Журфиксы были большею частью и безсодержательны и натянуты. Писаревъ почти всегда молчалъ, Благосвѣтловъ сдерживался, дипломатичничалъ. Напримѣръ, онъ только въ самыхъ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда общій разговоръ заходилъ о «Современникѣ» вообще и о Чернышевскомъ въ особенности, избѣгалъ высказываться откровенно. Гостямъ на этихъ вечерахъ было скучновато. Исключенія были рѣдки.

Иное дѣло случайныя, интимныя, вечернія собесѣдованія въ редакціи. Всѣ совѣщались дѣльно, говорили откровенно, обрабатывали вопросы разносторонне. А когда, покончивъ съ дѣломъ, переходили (это случалось нерѣдко) къ картамъ и вину, то даже распахивались, затрагивая темы далеко не редакціонныя. Писаревъ, легко возбуждавшійся отъ картъ, вина и отъ порнографическихъ анекдотовъ, распахивался во всю, хотя то, что въ немъ обнаруживалось при этомъ, было «не писаревское», а, по словамъ многихъ, то былъ «маскарадный ямщицкій кафтанъ», какъ острилъ Минаевъ. Благосвѣтловъ же, выпивъ, являлся въ «своемъ видѣ», вицъ-мундирнымъ эротикомъ, циникомъ. Въ тѣхъ, кто уважалъ его хорошія стороны, онъ въ этомъ видѣ возбуждалъ сожалѣніе.

Мы уже упоминали, что, по слухамъ, онъ намѣренъ съ какими-то расчетами развращалъ и спаивалъ Дмитрія Ивановича. Но какъ я разумѣлъ и наблюдалъ, дѣло было не такъ. Онъ искренно любилъ и цѣнилъ, какъ я уже замѣтилъ, Писарева, и ему самому подъ шафе было какъ-то игривѣе и веселѣе, когда тутъ же дорогой и милый ему пріятель подогрѣвался. Глядя же на нихъ обоихъ въ это

время, я иногда вспоминалъ русскую поговорку: «связался чортъ съ младенцемъ», особенно въ самые первые годы, когда Писаревъ походилъ еще на красную дѣвушку.

Къ либеральному противоположному лагерю, недостаточно солидарному съ «Русскимъ Словомъ», Благосвѣтловъ относился осторожно. О Н. Г. Чернышевскомъ онъ по возможности избѣгалъ разговаривать. Когда же это было необходимо, то задумчиво хмурился, стараясь не глядѣть никому въ глаза, отдѣлывался общими, впрочемъ, не противорѣчащими истинѣ фразами, въ родѣ: «Мы въ ранней молодости близко были знакомы съ Чернышевскимъ», «вмѣстѣ учились», «я его очень уважаю», «я въ существѣ раздѣляю его взгляды, но во многомъ съ нимъ не могу согласиться» и т. д.

Кстати анекдотецъ, нѣсколько подобный прорицательству Достоевскаго, объ отношеніи современныхъ критиковъ къ Пушкину.

Какъ-то въ редакціи бесѣдовали о беллетристикѣ вообще: о выборѣ авторами сюжетовъ, о характерѣ ихъ обработки и проч. Въ тѣ годы, какъ извѣстно, было въ модѣ обличительное и натуралистическое писательство, и Благосвѣтловъ одобрялъ такое направленіе. Однако иногда оговаривался: полезно, дескать, и интересно было бы, чтобы хоть одинъ умный, даже изъ ряда вонъ умный и знающій человѣкъ написалъ романъ на тему: что мы должны дѣлать? какъ намъ жить, чтобы жилось лучше?

Писаревъ взглянулъ на Григорія Евлампіевича вопросительно; завязался общій споръ, въ которомъ, однако, самъ Благосвѣтловъ избѣгалъ принимать участіе. Курьезно, что немного лѣтъ спустя появился романъ «Что дѣлать?», написанный дѣйствительно «изъ ряда вонъ умнымъ человѣкомъ» и едва ли знавшимъ о, конечно, случайномъ quasi-прорицаніи своего товарища дѣтства.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

